

Раздел III

Семантика, синтактика и прагматика языковых единиц

Галкина Наталия Павловна

Костромской государственной университет
им. Н.А. Некрасова
г. Кострома, Россия
gnprav@mail.ru

ЕДИНСТВО ЛЕКСИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМИ СЛЕДСТВИЯ

В статье представлен анализ лексического содержания сложноподчинённых предложений с придаточными следствия в аспекте выражения синтаксических отношений следствия в единстве с их структурным оформлением.

Ключевые слова: сложное предложение, лексическое значение, синтаксическая структура, единство, научный стиль

Современное учение о предложении опирается на рассмотрение его характеристик в структурном, семантическом и коммуникативном аспектах [Бабайцева 2001: 294-302; Бабайцева 2010: 79-80; Беднарская 2005: 7; Белошапкина 1989: 415; Лекант 2004: 6; РГ 1980: 7-8 и др.]. При анализе сложноподчинённого предложения (далее СПП) следует говорить о его единой семантике, исходящей из синтаксического строения и лексического содержания. Более того «ориентация на итог сложнейших взаимоотношений между синтаксической структурой предложения и её лексической реализацией позволяет устанавливать частные семантические отношения в различных типах сложноподчинённого предложения» [Ильенко 1976: 8]. Лексическое наполнение компонентов двуситуативной структуры содержит в себе тот «мотивирующий фактор», который определяет те или иные отношения в предложении, и скрепляет две ситуации в одну единую конструкцию.

Единство и взаимодействие лексического и синтаксического значений служит условием правильности любого высказывания.

Представляется, что грамматические свойства языка наиболее наглядно проявляются в конструкциях научного стиля, где языковая форма в полной мере подчинена основной цели – логике мысли. Как заметил Т. М. Ломтев, для предложений научной речи характерно то, что «обладая наиболее устойчивыми и закреплёнными элементами структуры сравнительно с другими стилями, они близко стоят к языковой модели» [Ломтев 1959: 8]. Подобную мысль высказывает Н. С. Ганцовская: «В СПП научной речи вследствие устойчивого стереотипного лексического наполнения ярче проявляются синтаксические особенности, присущие предложениям русского литературного языка в целом» [Ганцовская 1967: 239].

На наш взгляд, СПП с придаточными следствия (далее СППС), представляют собой яркий пример единства и взаимодействия лексического и синтаксического значений. Все СППС строятся по одному структурному типу: они представляют собой СПП с нерасчленённым союзом *так что* и фиксированным порядком частей. Как отмечает Б.В. Евтюхин, бедность средств выражения отношений следствия связана с тем, что в языке существует большое количество лексем (отмеченной лексики), так или иначе свидетельствующих о смысловом соответствии компонентов двуситуативной структуры [Евтюхин 1997: 59–60]. Анализ большого количества СППС, выписанных из научных произведений естественнонаучного цикла (в области физики, химии, биологии), позволяет утверждать, что необходимость указания на следствие предопределена содержанием предложения, и союз *так что* служит структурному оформлению лексико-семантически заложенных следственных отношений. Конечность позиции следственного компонента способствует акцентированию обязательности вывода. Примерами такой «отмеченности» лексического наполнения СППС служат:

а) использование в главном и придаточном предложениях лексики одинаковой семантической направленности, например: 1) *... проблемы микрофизики освещаются весьма часто и компетентно, так что вниманию читателей можно предложить обширный список литературы* (Гинзбург: 72) (освещаются весьма часто и компетентно – обширный список литературы). 2) *Ответвления возникают за счёт образования дополнительных гликозидных связей α , так что молекула амилопектина представляет собой весьма разветвлённую структуру ...* (Березин: 146) (дополнительных связей – весьма разветвлённую структуру). 3) *Человек выделяет с мочой, калом, потом, выдыхаемым воздухом много и других веществ, но в незначительных*

количествах, так что их вклад в общий баланс обмена веществами между организмом и средой невелик (Николаев: 179) (в незначительных количествах – невелик).

б) наличие в обусловливающей главной части СППС лексики противоположной семантической направленности, указывающей на противоречие, требующее продолжения изложения мысли: 1) *Кроме того, среди гормонов, секретируемых разными железами, нередко встречаются одинаковые, так что в некоторых случаях функции одной железы могут частично переходить к другой* (Березин: 67) (разными железами – встречаются одинаковые). 2) *Плоскости оснований перпендикулярны к оси спирали и параллельны друг другу, так что получается стопка оснований* (Николаев: 107) (перпендикулярны – параллельны).

в) наличие в обусловливающей главной части СППС лексики, свидетельствующей об отклонении от нормы: 1) *Окружению часто приписывают бесконечно большую массу, так что передача окружению конечного количества энергии или вещества из системы не меняет её параметров* (Простов: 6) (бесконечно большую массу). 2) *Некоторые ферменты в процессе их выделения утрачивают ион металла вследствие диссоциации, так что при измерении активности фермента приходится эти ионы добавлять — это ферменты, активируемые металлами* (Николаев: 69) (утрачивают). 3) *... массы некоторых из них (частиц – Н.Г.) могут оказаться колоссальными, так что, быть может, выяснения вопроса (о том, существуют ли нет такие частицы), придется ждать много десятилетий...* (Гинзбург: 82) (колоссальными).

г) количественная или сравнительная характеристика в главной части и вывод из неё в придаточной: 1) *Таким образом, межмолекулярные взаимодействия обычно на 1-2 порядка слабее ковалентных связей, так что супрамолекулярные ассоциаты менее стабильны термодинамически, более лабильны кинетически и более гибки динамически* (Рамбиди: 271) (слабее – менее стабильны). 2) *Каждая молекула АТФ расщепляется и вновь регенерируется 2500 раз в сутки, так что средняя продолжительность её жизни меньше 1 мин* (Николаев: 233) (2500 раз в сутки – продолжительность её жизни меньше 1 мин).

В формально-грамматическом плане главная часть СППС является относительно законченной и не требующей продолжения, но в семантическом аспекте данные отношения обусловленности предполагают обязательность, неизбежность выражения следственного

компонента, более того – акцентирование заложенной в нём информации. В такой специфической направленности, нацеленности на необходимость делаемого вывода состоит структурно-семантическая особенность предложений с придаточными следствия в общей системе сложноподчинённых предложений.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Простое предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис; под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. С. 292–478.
2. *Бабайцева В. В.* Избранное 2005–2010. Сборник научных и научно-методических статей. – М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.
3. *Белашапкова В. А.* Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белашапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.]; под ред. В. А. Белашапковой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
4. *Ганцовская Н. С.* Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. 276 с.
5. *Ильенко С. Г.* Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчинённого предложения. – Л., 1976. 32 с.
6. *Евтюхин В. Б.* Категория обусловленности в современном русском языке. – СПб., 1997. 198 с.
7. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. 247 с.
8. *Ломтев Т. М.* О некоторых вопросах структуры предложения // Филологические науки. 1959. № 4. С. 3–17.
9. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан [и др.]; гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. 714 с.

Источники

1. *Березин И. В., Савин Ю. В.* Основы биохимии: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 252с.
2. *Гинзбург В. Л.* О физике и астрофизике: статьи и выступления. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1992. 528 с.
3. *Николаев А. Я.* Биологическая химия. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицинское информационное агентство. 2004. 566 с.
4. *Простов В. Н.* Основы химической физики: курс лекций III–IV семестр. – М.: МФТИ, 2000.
5. *Рамбиди Н. Г., Берёзкин А. В.* Физические и химические основы нанотехнологий. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. 456 с.

СОЧЕТАЕМОСТЬ СО СЛОВАМИ КАК ПАРАМЕТР ОПИСАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье определяется место и значимость валентных свойств фразеологических единиц как особого параметра для характеристики идиом с количественным значением в русском языке. Показывается, что учет сочетательных возможностей фразеологизмов по принципу «сходное–разное» дает возможность отграничить фразеологические единицы разных лексико-грамматических разрядов, включая случаи их конверсированного использования, дифференцировать неопределенно-количественные фразеологические единицы внутри разряда, описать индивидуальные особенности фразеологических единиц в синхронии и диахронии.

Ключевые слова: фразеология, категория количества, неопределенное количество, валентность, лексико-грамматический разряд фразеологизмов, фразеологическая конверсия, синтаксическая модель.

Фразеологические единицы русского языка на основе общности лексического значения, одинакового набора грамматических категорий и однотипности отношений и связей фразеологизма со словами в строе предложения объективно распределяются по нескольким лексико-грамматическим разрядам (именные, глагольные, адъективные, адвербиальные и др.). Установлено, что разное соотношение формы и содержания у фразеологических единиц разных разрядов и внутри разрядов определяет разную степень значимости каждого из названных признаков для точной лексико-грамматической характеристики фразеологизмов [Хуснутдинов 1993: 6–12]. Так, для разряда именных фразеологических единиц важными являются первые два признака – общность лексического значения (предметность в широком смысле) и набор грамматических категорий (род, число, падеж) с соответствующими формами их выражения, а сочетаемость именных единиц с определенными классами слов (частями речи) и их синтаксическая позиция в предложении играют менее важную роль, так как учет первых двух признаков, как правило, оказывается достаточным для определения принадлежности конкретных фразеоло-

логических единиц к данному лексико-грамматическому разряду, ср.: **чёрный день/чёрные дни, имен.** ‘трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастий’ и **битый час, адverb.** ‘очень долго’. Для адвербиальных фразеологических единиц существенными оказываются первый и третий признаки (общность лексического значения и однотипность отношений и связей фразеологизма со словами определенных классов). Для некоторых разрядов фразеологических единиц, например для разряда глагольно-пропозициональных фразеологизмов, существенными оказываются все три названных выше признака [подробнее см.: Хуснутдинов 1993: 13–38].

Для фразеологических единиц, которые в языке функционируют в одной форме употребления и не имеют соответствующих форм выражения связей и отношений со словами в предложении, сочетаемость со словами оказывается важнейшим признаком, который может быть использован как критерий для разграничения и более точной характеристики лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц. К числу таких единиц относятся и неопределенно-количественные фразеологизмы. Неопределенно-количественные фразеологические единицы, как и единицы других разрядов, обладают своей валентностью – способностью сочетаться со словами определенных групп и в определенной форме. У фразеологической единицы различаются лексическая и грамматическая сочетаемость со словами: под грамматической сочетаемостью понимается сочетаемость фразеологизма со словами определенных частей речи (*всего ничего кого, чего; вагон и маленькая тележка чего; нет числа кому, чему, хоть пруд (пруды) пруди кого, чего, кем, чем*), под лексической – сочетаемость с конкретными словами (*денег куры не клюют; полон рот забот, хлопот*). Цель данной статьи – показать, что учет сочетаемости фразеологической единицы позволяет отграничивать неопределенно-количественные фразеологические единицы от фразеологических единиц других разрядов, в частности от адвербиальных единиц со значением меры и степени, описать случаи конверсированного употребления фразеологических единиц (о фразеологической конверсии как особом явлении см. Хуснутдинов 1993: 39–44), а также дифференцировать неопределенно-количественные фразеологические по значению в границах данного разряда.

Неопределенно-количественные фразеологические единицы объединяются в один разряд, во-первых, общностью своего значения: они указывают на количество предметов, а именно на неопределенное количество кого-либо или чего-либо (ср. с адвербиальными

ми фразеологизмами меры и степени, выражающими „количество” и степень проявления признака, например: *По-видимому, мы выбросились много западнее Кракова, значит, патрулей до черта*. Ю. Семенов, Майор Вихрь. – *То, что я спрашиваю, до черта серьезно*. Геля” Ю. Бондарев, Двое.).

Специфика значения единиц этого разряда определяет их грамматические свойства. Так, неопределенно-количественные фразеологические единицы, обозначая неопределенное количество кого-либо или чего-либо, сочетаются с существительными и заменяющимися их местоимениями в родительном или дательном падеже (которыми эти единицы управляют). В строе предложения неопределенно-количественные фразеологизмы с управляемыми ими словами составляют семантически неразложимые сочетания, так как только в сочетании с зависимыми словами эти фразеологические единицы приобретают смысловую законченность. Поэтому связь неопределенно-количественных фразеологических единиц со словами указанных разрядов является обязательной. Даже в тех случаях, когда такое слово в предложении опущено, оно может быть восстановлено из контекста или речевой ситуации.

Этим, в свою очередь, определяется и их синтаксическая функция – функция сказуемого (основная для единиц этого разряда) и дополнения при сказуемом-глаголе, например: *Народу не ахти сколько, торговля идет тихо, без суеты*. В. Травкин, Экскурсия; *Долгие годы <детский дом> не ремонтировали. Мебель в безобразном состоянии, белья не хватает... Словом, дел выше головы*. И. Овчинникова, Позывные добра; *Нервов она истратила с нами вагон и маленькую тележку*. М. Колесников, Право выбора; *Я перечитала без преувеличения сотни этих писем и постараюсь передать читателям хоть малую их толику*. И. Овчинникова, Позывные добра (в позиции дополнения употребляются единицы типа *тьма-тьмущая, вагон и маленькая тележка, чертова пропасть, малая толика*, при этом фразеологизм приобретает форму винительного падежа, которая выражается соответствующими формами ее компонентов). Общую характеристику фразеологических единиц этого разряда см. Хуснутдинов 1993, с. 31–33.

Т. Н. Ляхова в своей работе «Синтаксис фразеологической единицы» [Ляхова 1992], говорит о синтаксических свойствах неопределенно-количественных фразеологических единиц и отмечает следующее: «Их синтаксис, с одной стороны, отличается от синтаксиса фразеологических единиц других лексико-грамматических раз-

рядов, с другой стороны, – не совпадает с синтаксисом имен числительных, в том числе и неопределенно-количественных числительных» [Ляхова 1992: 7]. Своеобразие неопределенно-количественных фразеологизмов проявляется, во-первых, в том, что для этих фразеологизмов основной является функция сказуемого в синтаксической модели «подл. (сущ., мест. в Р. п. количества) + состав. имен. сказ. (гл.-св. + неопр.-колич. фраз. ед)», в то время как для неопределенно-количественных числительных, кроме функции сказуемого, характерны также функции подлежащего и дополнения; во-вторых, функция дополнения у неопределенно-количественных фразеологизмов в модели «сказ. (глаг.) + доп. (сущ. в Р. п. + неопр.-колич. фраз. ед.)» ограничена несколькими единицами, имеющими парадигматические формы (*тьма тьмущая, малая толика* и т. п.); в-третьих, употребляясь в обеих функциях, неопределенно-количественные фразеологические единицы постоянно занимают позицию после существительного или местоимения в родительном падеже [Ляхова: 7–8].

Указанные синтаксические особенности неопределенно-количественных фразеологических единиц позволяют отграничивать их от единиц других разрядов, в том числе и в случаях конверсированного употребления. Так, среди адвербиальных фразеологизмов есть единицы, указывающие на полноту проявления действия (*спать без задних ног, влюбиться по уши, работать до седьмого пота* и т. п.), к которым примыкают единицы со значением меры: *мрут как мухи, пить как бочка* и др. [Хуснутдинов 1993: 19], ср.: «**Пить КАК БОЧКА**. Прост. (Пить) очень много, в большом количестве. О спиртных напитках. *Яшвин мог пить как бочка, не спать и быть таким же*. Л. Толстой, Анна Каренина» [ФСРЯ: 43]; «**Мрут [дохнут] КАК МУХИ**. В огромном количестве. *Мрут [котельщики] как мухи: год-два вынесет, а потом, если и жив, то редко куда-нибудь годен*. Гаршин, Художники. *Масса лошадей надорвалась за отступление,дохнут теперь как мухи*. Вересаев, На японской войне. – *Больных не обережься... дети как мухи мрут*. Куприн, Молох» [ФСРЯ: 256–257]. Как видно из примеров, в значении таких фразеологических единиц содержится указание на количество («очень много, в большом количестве»). Однако сочетаемость этих единиц позволяет четко отграничивать их и рассматривать как представителей разных лексико-грамматических разрядов.

Особенности сочетаемости позволяют различать и случаи конверсированного употребления фразеологических единиц. Под фра-

зеологической конверсией понимается существование в русском языке фразеологических единиц, одинаковых по форме, близких по значению, но с разной лексико-грамматической характеристикой [см. Хуснутдинов 1993: 39–44]. Ср., например: **по горло, адverb.** ‘очень сильно, чрезвычайно’ (занят, перегружен и т. п. чем-либо). *Он снова был по горло занят. Утром по гудку бежал на завод, а поздно ночью возвращался.* Б. Горбатов, Мое поколение. **По горло занятая работой, Екатерина Федоровна близко не сталкивалась с детским миром.** Б. Полевой, Современники и **по горло чего, неопр.-колич.** ‘очень много’ (дел, забот и т. п.). – *Я теперь весь погружен в репетиции – работы по горло.* С. Аксаков, Литературные и театральные воспоминания. *У оставшихся дома семейных возни, суетни у каждого было по горло.* Мельников-Печерский, В лесах.– *Будильник на сколько поставил? – Давай на пять, Борис Николаевич.. Дел у нас завтра по горло.* Г. Семенихин, Над Москвою небо чистое» [ФСРЯ: 117]. Фразеологическая конверсия в русском языке может охватывать единицы разных разрядов, ср.: **разливанное море, имен.** – ‘попойка, шумный пир’ и **разливанное море чего, неопр.-колич.** – ‘очень много’, **не бог весть сколько** (жить, сидеть и т. п.), **адverb.** – ‘недолго’, и **не бог весть сколько, неопр.-колич.** – ‘мало’, **с гулькин нос чего, неопр.-колич.** *Денег у нас осталось с гулькин нос. С гулькин нос, адverb.* *У меня все еще впереди, я еще на свете с гулькин нос пожил.* **С гулькин нос, адъект.** *Он казался значительно старше меня, хотя разница в годах была с гулькин нос.*

В разряде неопределенно-количественных фразеологических единиц отчетливо выделяются две основные семантические группы: 1) фразеологические единицы со значением неопределенно большого количества кого-либо или чего-либо (*хоть отбавляй, хоть завались, куры не клюют, непочатый край, чертова пропасть, как собак нерезаных, хоть пруд пруди* и др.); 2) фразеологические единицы со значением неопределенно малого количества (*на один зуб, кот заплакал, раз-два и обчелся, в обрез, малая толика, не ахти сколько* и др.). Значения указанных семантических групп противопоставлены как антонимичные, а фразеологические единицы внутри одной семантической группы составляют определенные гнезда, состоящие из единиц, связанных отношениями, основанными на сходстве их значений. Такое своеобразие семантической структуры разряда неопределенно-количественных фразеологических единиц указывает на необходимость установления внутренней семантической организации, которая существует в этом разряде, чтобы точно и определенно описать выражаемые фразеологическими единицами раз-

личные оттенки значений в кругу общих понятий ‘мало’ и ‘много’. В настоящее время актуальна задача точного определения индивидуального значения каждой единицы, входящей в разряд неопределенно-количественных фразеологизмов, и, соответственно, описания возможностей использования таких единиц в разных речевых ситуациях (контекстах). Учет сочетательных возможностей неопределенно-количественных фразеологических единиц дает возможность решить эту задачу.

Известно, что с неопределенно-количественными фразеологизмами сочетаются существительные разных разрядов – конкретные, отвлеченные, вещественные, собирательные, которые обозначают понятия, связанные с возможностью счета или измерения. При этом неопределенно-количественные фразеологические единицы имеют разную валентность: одни из них способны сочетаться с широким кругом слов (*хоть отбавляй, до черта* и др.), другие – только с со словами определенного разряда, например с конкретными, которые могут подвергаться счету (*несть числа, нет перевода* и др.), третьи – сочетаются со словами только одной тематической группы (*полный короб, ешь-пей не хочу* и др.). Иногда сочетаемость неопределенно-количественных фразеологических единиц может быть ограничена одним-двумя словами: *денег куры не клюют, хлопот/забот полон рот* и т. п.

По сочетаемости со словами неопределённо-количественные фразеологизмы отчетливо разделяются на три группы: 1) фразеологические единицы, которые сочетаются только со словами, обозначающими лицо или одушевлённые предметы (*как собак нерезаных кого, нет отбоя от кого, до Москвы не перевесишь кого* и др.); 2) фразеологические единицы, которые сочетаются со словами, обозначающими неодушевлённые предметы (*малая толика чего, ни на грош чего* и др.); 3) фразеологические единицы, которые сочетаются со словами, обозначающими лицо, одушевлённые и неодушевлённые предметы (*без счёта кого, чего хоть отбавляй кого, чего, тьма тьмущая кого, чего, кот наплакал кого, чего, раз-два и обчёлся кого, чего* и др.).

При описании валентных свойств фразеологических единиц следует учитывать также, что сочетаемость фразеологизмов может изменяться в процессе ее функционирования в языке. Например, если фразеологическая единица *разливанное море* первоначально употреблялась только со словами, обозначающими алкогольные напитки (ср.: «РАЗЛИВАННОЕ [разливное] МОРЕ. 1. *чего*. Очень много. О вине, водке и т. п.» [ФСРЯ: 254]), сейчас круг слов, с которыми соче-

тается эта единица, значительно расширился (в базе «Национального корпуса русского языка» имеются примеры на употребление этой единицы в сочетаниях со словами *шампанское, самогон, пиво, брага, вино, навоз, грязь, огни, цветы, ромашки, одуванчики, кабаки, песни* и др. [ruscorpora.ru]). Возможно и сужение сочетаемости. Например, фразеологическая единица *без числа* имела очень широкую сочетаемость, см.: «**БЕЗ ЧИСЛА**. Устар. Экспрес. Об огромном, неисчислимом количестве кого-либо или чего-либо» [ФСРЛЯ: II, 372]. Примеры употребления этой фразеологической единицы в современной речи показывают, что она перестает сочетаться со словами, обозначающими одушевленные предметы, ср.: *без числа забот, границ, показаний, проигрышей, книг* и т. д. [ruscorpora.ru].

Таким образом, сочетаемость со словами для неопределенно-количественных фразеологизмов является важнейшим признаком, значимым для характеристики этого лексико-грамматического разряда не только сам по себе, но и для описания других сторон фразеологических единиц и групп единиц. Учет лексической и грамматической сочетаемости неопределенно-количественных фразеологизмов дает возможность дать точную характеристику фразеологических единиц этого разряда как в целом, так и применительно к отдельной единице.

Литература

1. *Ермилова М. Л.* Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологических единиц современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. 16 с.
2. *Ляхова Т. Н.* Синтаксис фразеологической единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. 16 с.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН, 1995. Т. 1: А–М. 391 с. Т. 2: Н–Я. 396 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с. (ФСРЯ)
5. *Хуснутдинов А. А.* Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. 64 с.
6. *Хуснутдинов А. А.* Грамматика фразеологической единицы: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1996. 237 с.
7. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Изотов Владимир Петрович
Орловский государственный университет
г. Орёл, Россия
vpizotov@yandex.ru

РЕТРОСКРИПЦИЯ, РЕВЕРСОР, ПАЛИНДРОМ: ТОЖДЕСТВО, СХОДСТВО, РАЗЛИЧИЕ

В статье рассматриваются такие типологически сходные явления, как ретроскрипция, реверсор и палиндром. Они сопоставляются на основании того, что в обратном прочтении (написании) создают слова (фразы), в различной степени тождественные исходным. Степень совпадения производящего и производного определяет тождество, сходство и различие данных явлений.

Ключевые слова: ретроскрипция, реверсор, палиндром, словообразование, поэтика, тождество, сходство, различие.

Среди окказиональных способов словообразования особое место занимает ретроскрипция, суть которой заключается в том, что новое слово образуется путём написания исходного в обратной последовательности, т. е. справа налево: «Это верно, дорогой автор, наш отец служит как раз по этой части, по части неприятностей, но отчего вы обязательно хотите указать на титуле своё настоящее имя, почему бы вам не взять *минодвесн?*» (С. Соколов); значение окказионального ретроскрипта – «псевдоним». Этот способ словообразования отмечается в наиболее полных перечнях способов словообразования русского языка (см., например, работы [Журавлёв 1986], [Намитоква 1989], [Улуханов 1996], [Изотов 1998]), а достаточно подробная его характеристика представлена в работе [Изотов 2014].

Тот же принцип наоборотного прочтения и написания используется в таких популярных нестандартных (маргинальных) формах творчества, как палиндром и реверсор. Палиндром представляет собой «осмысленный текст, читающийся одинаково по буквам или реже по слогам (с точностью до пробелов) от начала до конца и обратно» [А роза упала...2010: 5]: «*Да небо дано, но надобен ад*» (Д. Авалиани). Что касается реверсоров, то под ними понимаются «тексты, обратное прочтение которых осмысленно и при этом прин-

ципально отличаются от прямого» [Антология комбинаторной поэзии... 2002: 168]: «*Я нем и нежен*» (С. Федин); реверсор: «Не жени меня» (иногда для обозначения этого понятия используется термин «оборотень»).

Следует отметить, что иногда ретроскрипты создают текст (предложение): «Мотоциклист взлетает к самой высокой точке шапито и на бешеной скорости несётся обратно. *Онтарбо, ястёсен, итсорокс, йонешерб, ан, и, отипаш, екчот, йокосыв, йомас, к теателзв, тсилкицотом*» (А. Матвеев). В данном случае всё предложение отражается новообразованиями-ретроскриптами. Кстати говоря, ретроскрипция порой становится принципом построения текста: речь идёт о произведениях, в которых жизнь героев разворачивается в обратном порядке – от смерти к рождению (самыми известными в этом плане являются пьеса В. Хлебникова «Мирсконца» и рассказ Ф. С. Фицджеральда «Забавный случай с Бенджамином Баттоном»). Об общетеоретических принципах построения такого рода произведений см. [Изотов 2012], а описание конкретного произведения, созданного с использованием наоборотной технологии, представлено в работе [Изотов 2013].

Некоторые аспекты сходства ретроскрипции и палиндромии отмечены в докторской диссертации А. В. Бубнова [Бубнов 2002: 47–51], однако до системного рассмотрения взаимоотношения ретроскрипции, реверсора и палиндрома дело пока не дошло. Рассмотрение этих явлений в свете категорий тождества и различия – первый шаг на пути такого системного описания. И здесь следует сказать, что *тождество* и *различие* – это крайние положения соответствующей шкалы, посередине которой располагается *сходство* как своего рода переход от *тождества* к *различию* и наоборот.

Казалось бы, палиндром должен быть полностью тождественным самому себе, и в тех случаях, когда речь идёт о строгих палиндромных формах, это мнение несомненно верно: «*Лимузин изумил: // Лимузин снизу мил*» (С. Гринберг). Здесь полное совпадение (отражение) букв. Однако бывают так называемые нестрогие палиндромы, в которых допускается некоторое несовпадение букв, приравнивание сходных букв, например: *Сам дошёл и доводи лошадь масс* (В. Григорьев); в обратном прочтении будет **Ссам дашол и доводи лёшод масс* (при произношении многие неточности нивелируются). Таким образом, палиндромы полностью тождественны в смысловом

отношении, тогда как тождество формальное присуще строгим палиндромам, а в нестрогих наличествует нарушение формального тождества.

Реверсоры оказываются полностью тождественными в формальном плане (используется тот же набор букв, но в обратной последовательности), однако различаются в смысловом отношении: *Лидер – Боря!* (Д. Авалиани). В данном случае можно увидеть смысловую переключку, если считать этот реверсор привязанным к деятельности первого президента России: *Лидер – Боря!* (*Яро бредил*).

То обстоятельство, что реверсор даёт в обратном прочтении осмысленную фразу, позволяет в определённой степени говорить, что в нём формальное тождество сочетается с содержательным сходством (особенно в тех случаях, когда прямое и обратное прочтение сопрягаются, создавая некое смысловое единство; и здесь могут быть самые разные сопряжения: антонимичные отношения: *Мир удобен* (С. Федин) – *Небо дурим*; вопросно-ответное единство: *Куда Иван лазал?* (Г. Семёнов) – *Лазал на виадук*; и т. д. Вопрос о классификации реверсоров с данной стороны всего лишь приоткрыт...). Реверсор в ряде случаев представляет собой полупалиндром: так, например, реверсор *Он хам, но...* (Б. Горобец) легко превращается в палиндром, будучи дополненным обратным прочтением: *Он хам, но он Махно*.

Результатом действия ретроскрипции оказывается окказиональное слово, содержащее тот же набор букв, что и производящее слово, и имеющее иное значение. Иногда это значение определённым образом соотносится со значением слова-прототипа: антипланета *Ялмез* (Ф. Кривин) – «Земля в антимире» (можно говорить о слабой проявленности признака семантического сходства).

В других же случаях ретроскрипция может оправдываться содержанием текста, но не имеет никаких выраженных семантических скреп: «Два Ильича. С именем Ленина. *Аниел менем с*. Лично Леонида Ильича. *Ачи* (мягкий знак пропускается) *ли адиноел ончил*. Любимая с детства игра. *Ногав театобар зеб ароткуднок*. Кондуктора. Без. Работает. Вагон. Надпись на изнаночной стороне трамвайного вагона» (А. Матвеев).

Таким образом, в очень упрощённом виде отношения между ретроскрипцией, реверсором и палиндромом в свете категорий тождеств и различий могут быть продемонстрированы следующей схемой:

Таблица 1

**Ретроскрипция, реверсор и палиндром в свете категорий
тождеств и различий**

	Ретроскрипция	Реверсор	Палиндром
Тождество формальное	+	+	+
Тождество семантическое			+
Сходство формальное			
Сходство семантическое	(+) (признак может проявляться)	+	
Различие формальное			
Различие семантическое	+		

Таблица эта свидетельствует, пожалуй, только о том, что в теории обратных форм лакун гораздо больше, чем проявленных соответствий / несоответствий.

Литература

1. А роза упала не на лапу Азора: Искусство палиндрома / Авт-сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: КомКнига, 2010. 224 с.
2. Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии / Сост. и коммент. Г. Г. Лукомникова и С. Н. Федина. Консультант Д. Е. Авалиани. – М.: Гелиос АРВ, 2002. 272 с.
3. Бубнов А. В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: Дис. ... д-ра филол. наук. – Орёл, 2002. 525 с.
4. Журавлёв А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. С. 45–109.
5. Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования. – Орёл, 1998. 149 с.
6. Изотов В. П. Текст как ретроскрипция // Система і структура східнослов'янських мов. Вып. 5. – Київ, 2012. С. 114–122.
7. Изотов В. П. Ретроскрипция как принцип построения текста: «Фокус великого кино» А. Аверченко // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы теории и истории литературы: межвузовский сборник статей/ науч. ред. Д. Н. Черниговский. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 19–21.
8. Изотов В. П. Ретроскрипция в энциклопедическом освещении // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения И. А. Фигуровского. – Елец, 2014. С. 215–222.

9. *Намитокова Р. Ю.* Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – М., 1989. 33 с.
10. *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. 222 с.

Калинина Алевтина Анатольевна
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, Россия
kalinina.07@inbox.ru

КОНСТАТИРУЮЩИЕ ВОПРОСЫ

В статье рассматривается семантическое своеобразие, модальная специфика и функциональная нагрузка одной из достаточно частных разновидностей общего вопроса, имеющих значение констатации говорящим вполне достоверного, чаще всего непосредственно наблюдаемого им факта действительности, типа *Сидишь?; Вы уже уходите?* и под.

Первичной функцией вопросов-констатаций является функция установления речевого контакта с собеседником. В своих вторичных функциях констатирующие вопросы используются для выражения эмоционально-оценочной реакции на факт, как правило, отрицательной. Одной из сфер функционирования вопросов данного вида являются тексты рекламных сообщений.

Ключевые слова: вопросительное предложение, общий вопрос, вопрос-констатация, удостоверительный вопрос, предположительный вопрос, эмоциональное отрицание.

Вопросы, содержащие констатацию заведомо очевидного факта (*Ты уже пришел?; Отдыхаете?; Вяжешь?* и под.), являются одной из достаточно частных и в целом мало распространенных функциональных разновидностей общего вопроса, поэтому среди других типов вопросительных предложений выделяются далеко не всегда.

В литературе вопроса нет полной ясности в понимании объема и границ предложений данного типа. Нет единства и в терминологическом обозначении этого вида вопросов.

Обозначение «вопросы-констатации» в качестве рабочего термина используется в работах П. Рестана [Рестан 1968: 259]. «Во-

просы-констатации» трактуются автором как подвид «ультрапрезумптивных» (предположительных) вопросов.

В работах А. М. Визгиной [Визгина 1973, 1979] вопросы этого вида именуются «удостоверительно-вопросительными предложениями» и представлены в качестве самостоятельной разновидности общевопросительных предложений.

«Констатирующие-вопросительные предложения» упоминаются в «Русской грамматике» (1980), однако авторами «Русской грамматики» этот термин закреплен за типом конструкций, по отношению к которым более приемлемым, на наш взгляд, было бы обозначение «удостоверительно-вопросительные предложения» (в соответствии с наиболее узким истолкованием этого понятия). По определению авторов, констатирующие-вопросительные предложения «содержат вопрос с почти полной уверенностью, с утверждением: *Он влюблен в тебя, не правда ли?* (Тург.); *Значит, все-таки надежда на примирение жива?* (Катаев); *Значит, я не ошибся?*; *Ведь вы офицер, да?*; *Ведь у тебя билет уже есть?*; *Ты не обижаешься на меня, так ведь?»* [Русская грамматика 1980: 394].

Мы исходим из того, что обозначение «констатирующие вопросы» (далее также «вопросы-констатации», «вопросительно-констатирующие предложения») следует закрепить за общевопросительными предложениями, имеющими значение констатации говорящим вполне достоверного, чаще всего непосредственно наблюдаемого им факта действительности, что соответствует трактовке границ данного типа конструкций в работах А. М. Визгиной. Например: – *А! вы гуляете?* (И. Тургенев); *Ты уходишь? Ну прощай же, дитя мое...* (А. Чехов); – *Гм... Молчите? Вам мало этого? В таком случае я за жену извиняюсь* (А. Чехов); – *Ты пришел? – заговорила она* (А. Чехов); – *А-а-а... вы целуетесь?* – сказал он. – *Хорошо же! Я скажу мамаше* (А. Чехов); Олег: ... *Ну, что ты на подоконник-то смотришь?...* (Заглядывает в лицо брату.) *Плачешь?!* (В. Розов).

Вопросительно-констатирующие предложения относятся к типу вопросов, структурно идентичных повествовательному предложению. Для построения вопросов-констатаций используется форма общевопросительного предложения без вопросительных частиц с порядком слов повествовательного предложения. Та же структура может лежать в основе собственно вопросов и вопросительно-предположительных предложений.

В отличие от собственно вопросов, в вопросах-констатациях невозможен обратный порядок главных членов, они не могут быть произнесены с вопросительной интонацией, не допускают подста-

новки частицы *ли*, не могут быть развернуты в альтернативный вопрос, поскольку отображают ситуацию, альтернативы которой в данном случае нет, ср.: *Ты читаешь?* – **Читаешь ли ты?*; **Ты читаешь или нет?*

Логическую основу констатирующих вопросов составляет полное, достоверное знание, опирающееся на информацию, поступающую непосредственно из реальной действительности (из дискурса), что не оставляет места для сомнения или двойного мнения по поводу происходящего. Констатирующие вопросы выходят за рамки предположительной модальности и служат выражению модальности простой достоверности, не допускающей градации степеней уверенности («степени достоверности»). Об этом свидетельствует невозможность введения в их состав операторов гипотетической модальности: **Ты, может быть (конечно и др. под.), пришел?* В этом заключается принципиальное отличие констатирующих вопросов от вопросов-предположений, характеризующихся презумпцией недостоверности, в том числе от удостоверительных вопросов.

Ответ со стороны адресата на вопрос констатирующего типа может быть только утвердительным. Как и сам вопрос, ответ является «информативно пустым», так как не расширяет объема знаний спрашивающего и не обогащает его новой информацией. Формально это ответ-подтверждение, однако при ответе на вопрос констатирующего типа принципиально не употребляется слово «да» – в ответной реплике воспроизводится пропозиция вопроса. Ср.:

– *Итак, сидим?*

– *Сидим, – ответил Иван, взглядываясь в карие и очень беспокойные глаза прищельца* (М. Булгаков);

– *Степан опустил худой вещмешок на порожек, подошел к отцу... Обнялись, чмокнулись.*

– *Пришел?*

– *Пришел* (В. Шукшин).

В семантическом отношении вопросительно-констатирующие предложения сопоставимы с повествовательными предложениями констатирующего типа. Ср. однотипные конструкции, имеющие разное пунктуационное оформление: – *Ах ... это вы, князь?* – *бормочет она, пересиливая сон.* – *Pardon, – я, кажется, уснула!* (А. Чехов); *Городничий (квартильному): А, это ты, Иван Карпович! Позови-ка сюда, брат, купцов...* (Н. Гоголь); – *А-а-а... ты плакать!* *Ты виноват, ты же и плакать?* (А. Чехов).

Параллелизм вопросительно-констатирующих и повествовательно-констатирующих предложений очевиден. Вместе с тем сходная семантическая (объективно-логическая) информация в вопроси-

тельно-констатирующем предложении облекается в форму вопроса, поэтому не имеет «утвердительного статуса», свойственного сообщениям-констатациям.

В семантической структуре констатирующего вопроса органично сосуществуют утверждение-констатация и вопрос. Они не направлены на получение информации из внешнего мира, но требуют ответа со стороны собеседника и сохраняют потребность в диалоге, хотя бы фиктивном. Об этом свидетельствуют примеры констатирующих вопросов, обращенных к представителям животного мира. Например: – *Аааа... ты кусаться? Очень хорошо, ладно* (А. Чехов. Разговор человека с собакой); *И ты... ты можешь рычать на человека? А?* (А. Чехов); *Что, братец лев? Сидишь? Философствуешь?* (А. Чехов. Циник).

В процессе коммуникации констатирующие вопросы выполняют две основные функции – контактоустанавливающую (фатическую) и функцию выражения эмоций. Употребляясь в фатической функции (это их первичная функция), вопросительно-констатирующие предложения реализуют стремление говорящего вступить в речевой контакт с собеседником.

Обнаруживая расположенность к общению, говорящий тем самым демонстрирует в целом позитивное, благожелательное отношение к собеседнику и осуществляемому им действию (одно из имплицитных созначений, входящих в пресуппозиционную базу высказывания). Изъявление позитивно-приемлющего отношения к действиям собеседника является одним из способов завершения диалога, в случае если тот не получает развития или не может состояться в силу объективных причин (например, «диалог» с животными). Реплика согласия, поддержки, одобрения обычно оформляется в виде побудительного предложения с семантикой разрешения, побуждения к продолжению действия: *Сидишь? – Ну, сиди, сиди!* Ср.: *Жуешь? – спрашивает Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. – Ну, жуи, жуи...* (А. Чехов).

«Выражение различных эмоций, вызванных наблюдаемым фактом» [Визгина 1979: 62], – вторичная, но не менее важная функция вопросов-констатаций. Ср.: *И ты, Брут?!*

Семантика констатирующих вопросов создает благоприятную основу для выражения эмоциональной реакции на факт – как правило, отрицательной. Эмоциональные вопросы-констатации имеют значение либо удивления, либо эмоционального протеста и служат выражению негативного отношения к наблюдаемому, что позволяет квалифицировать вопросительно-констатирующие предложения как конструкции, специализирующиеся на выражении эмоционального (эмфатического) отрицания, нередко соединенного с экспрессией.

Ср.: Анна Андреевна: *Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! Здесь пол совсем нечист* (Н. Гоголь); *Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чертов сын, своих бьешь?..* (Н. Гоголь); – *Вы уже уходите?* – сказала княгиня, *сильно хмурясь* (А. Чехов); – *На часах спишь, болван?* – слышит Филипп *чей-то громовой голос* (А. Чехов); – *Дочь князя, – заговорила княгиня, – и невеста князя ходит на свидания с поручиком!? С Евграшкой! Мерзкая!* (А. Чехов); – *Ты... ты дерешься?* – забормотал он. – *Ты... ты смеешь?* (А. Чехов); – *Ты по карманам лазишь?* (В. Розов); – *Это опять вы?* – и Люба Медведева *с глазами, полными слез, отвернулась, увидев Иванова* (В. Белов); *Как? И этого не можешь??!* (Р. Рождественский).

Заметим, что в области субъективных смыслов эмоциональные вопросы-констатации являют собой прямую противоположность по отношению к эмоционально нейтральным вопросам-констатациям: благосклонное отношение говорящего к действиям собеседника меняется на резко отрицательное, при этом эмоционально-оценочный компонент из области сопутствующих смыслов перемещается в коммуникативный центр высказывания.

Для выражения эмфатического отрицания наиболее приспособлены вопросительно-констатирующие предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом. Предложения с инфинитивным сказуемым, обозначающим действие адресата вопроса, отличаются большей экспрессивностью по сравнению с предложениями, использующими личную форму глагола. Ср.: Городничий: *Что, голубчики, как поживаете... Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобести, надувайлы мирские! жаловаться?* (Н. Гоголь); – *Так ты кушаться, окаянная?* – слышит вдруг Очумелов (А. Чехов).

Эмоционально-отрицательные вопросы-констатации не требуют ответа и в этом плане сближаются с риторическими вопросами. В отличие от последних им не свойствен семантический переход утверждения в отрицание (и наоборот).

В настоящее время тип вопросов-констатаций активно эксплуатируется создателями рекламных текстов. Вопросы данного типа предваряют следующее за ними предложение того или иного вида товаров и услуг. Ср.: ***Вы все еще кипятите?*** *Тогда мы идем к вам!* (реклама на ТВ); ***Порой не можете заснуть?*** *Попробуйте наладить сон естественным образом – принимайте растительные таблетки «Формула сна» от компании «Эвалар». С «Формулой сна» легко заснуть и радостно проснуться!; **Давление? Болят суставы? Остеохондроз?** Феноменальный «БИМАГ» готов вам помочь!; **Артриты и артрозы?** «Сабельник Эвалар» лечит суставы, не повреждая желудок!; **Наркомания? Алкоголизм?** Бесплатная помощь (текст рекламной листовки); **Реагируете на погоду?** (реклама лекарства «Гинкоум»); **Много читаешь? Тебе подарок!** (Русский ре-*

портер. 26 июня – 31 июля 2014 г.); **Банк обижает? Иди к омбудсмену!** (Собеседник. 2014. № 10). Ср. также тексты объявлений типа: **Вошел? Уселся? Расплатись!**

Констатирующий вопрос в сочетании с текстом императивной направленности функционирует как «вопрос-условие» [Рестан 1968: 283]. Посредством вопроса-констатации обозначена ситуация, наличие которой (в объективной действительности) служит условием и одновременно обоснованием каузируемого действия. Общий смысл такого построения укладывается в формулу условно-следственной конструкции: «если..., то...». Положение дел, представленное в вопросе, требует соотнесения с миром объективной реальности, осуществляющегося конкретным адресатом применительно к конкретной ситуации.

Чаще всего с помощью констатирующего вопроса представлена некая проблемная ситуация (как правило, проблемы со здоровьем), а последующая информация – как выход из нее, способ ее решения (своеобразная модификация ситуации «вопрос – ответ»). Ср.: *Влюблены безответно? Страдаете? **Есть выход!** Вам поможет Вадим Германович Праксин* (Мир новостей. 2014. № 45); *Болят суставы? **Выход есть!** Компактный, простой и удобный лазерный аппарат «ОРИОН» поможет качественно и комфортно лечиться дома* (реклама аппарата «ОРИОН СТЕП»); *У вас беда? **Выход есть!*** (Светлана Любимова, потомственная ведунья. – А.К.); *Надоело мыть машину? **Есть решение.***

Вопросы-констатации способствуют созданию иллюзии живого диалога, позволяют живо и наглядно, в свойственной им «утвердительно-манере» представить обозначенную в вопросе ситуацию.

Резюмируем сказанное.

Вопросы-констатации фиксируют заведомо достоверный факт, некое существующее в объективной (реальной) действительности положение дел **P** (реже – не-**P**).

Предложения данного вида объединяют в себе иллюкутивные силы и семантические возможности двух типов высказываний (вопросительных и повествовательно-констатирующих) и могут трактоваться как утверждение-констатация («deskриптивное утверждение») в соединении с иллюкутивной силой вопроса.

Направленность на получение ответа со стороны собеседника, связанная с этим апеллятивность и диалогичность констатирующих вопросов обуславливают возможность их использования в фатической функции, а также для выражения эмоционально-оценочного значения, как правило, отрицательного.

В рекламном дискурсе с помощью вопроса-констатации задается исходное условие, которым определяется актуальность / неактуальность последующей информации для адресата, а также то, воспользуется ли он советом рекламодателя: круг заинтересованных лиц ограничен теми, для кого изображаемое в вопросе соответствует действительности. На этом семантическом фоне в вопросе развивается модальное значение условности.

Литература

1. *Визгина А. М.* Модальность неместоименных общевпросительных предложений в диалогической речи (на материале современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. 198 с.
2. *Визгина А. М.* Значение форм изъявительного наклонения в вопросительных предложениях // Русский язык в школе. 1979. № 1. С. 60–63.
3. *Рестан П.* Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос (Главным образом на материале современного русского языка). – Universitetsforlaget Oslo – Berget – Tromsø, 1968. 880 с.
4. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.

Князева Анастасия Андреевна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

KnyazevaAnastasia@mail.ru

ЯЗЫКОВОЕ ОПИСАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СИТУАЦИИ ФЛИРТА

Статья посвящена интересному и малоизученному коммуникативному жанру – флирту. Анализ невербальных компонентов, характерных для поведения мужчины и женщины в ситуациях флирта, представлен с точки зрения описания языковых номинаций, которые используются для выражения этих компонентов в тексте.

Ключевые слова: коммуникативный жанр, невербальный компонент коммуникации, флирт, языковое описание.

Личность человека формируется в процессе общения, который предполагает его взаимодействие с другими индивидами, вследствие чего происходит обмен информацией, установление дружеских кон-

тактов, осуществляется необходимая психическая потребность в поддержке, понимании. Сложность процесса общения состоит в его многоаспектности. В частности, в центре внимания ученых-лингвистов оказалась проблема коммуникативного поведения человека, которое включает взаимодействие вербальных и невербальных компонентов общения (Г. Е. Крейдлин, И. А. Стернин, В. В. Ганина, Ф. И. Карташкова). Проблема коммуникативного поведения человека связана с проблемой коммуникативного жанра, охватывающего вербальную и невербальную составляющие поведения человека [Карташкова 2009: 22]. Необходимо заметить, что исследование коммуникативных жанров берет начало от теории речевых жанров, впервые нашедшей отображение в работах М. М. Бахтина. Таким образом, при учете вербальных и невербальных средств коммуникации, можно говорить о коммуникативном жанре флирта.

По мнению В. В. Дементьева, флирт является косвенным жанром, он позволяет участникам коммуникативной ситуации говорить о своих интенциях непрямо, скрывать истинные эмоции. Существует две основные цели флирта. Первая – самоутверждение. Вторая – сигнал о взаимной симпатии. В этой связи флирт часто определяется как жанр шуточный, предполагающий обмен колкостями, ироничными репликами [Дементьев 2010: 26].

Лингвопрагматический анализ невербального поведения коммуникантов в ситуации флирта позволяет говорить о некоторых особенностях, присущих данной области человеческого взаимодействия.

Актуальность данного исследования обусловлена комплексным подходом к описанию языковых единиц, выражающих невербальные компоненты коммуникации в тексте.

Целью статьи является описание характерных компонентов невербальной коммуникации на английском языке с точки зрения лингвистического анализа языковых единиц, используемых для выражения этих компонентов.

Невербальное поведение мужчин в ситуации флирта представлено различными невербальными компонентами (НВК) – фонационными, респираторными, миремическими, мимическими, проксемными, тактильными. Фонационные НВК в невербальном поведении мужчины представлены глаголами говорения, модифицированными наречиями, адъективно-именными словосочетаниями с существительным *voice*. К глаголам, модифицированным наречиями, можно отнести глаголы *to speak, to say* (to speak softly, to ask

tenderly). Адъективно-именные словосочетания характеризуют голос коммуниканта как «нежный», «грудной», «любящий», что фиксирует внимание либо на характеристике тембра, либо на восприятии голоса коммуникантом противоположного пола (one's loving voice, one's tender voice, one's husky voice).

Другим наиболее типичным видом НВК является миремический. Миремические НВК представлены глаголами с семантикой прямого контакта глаз (to gaze at, to look at, to stare at, to look down), глаголами, модифицированными наречиями, адъективно-именными словосочетаниями с существительным *eyes*. Наречия с положительной семантикой выражают восхищение, привязанность коммуниканта: to look admiringly, to look tenderly. В состав адъективно-именных словосочетаний с существительным *eyes* входят прилагательные, имеющие положительную окраску и свидетельствующие о восприятии контакта коммуникантом-женщиной: one's blue familiar eyes, one's warm eyes.

Для невербального поведения мужчин в ситуации флирта типично проявление мимического НВК. Одним из наиболее частотных мимических НВК является улыбка. Мимические НВК в невербальном поведении мужчины представлены глагольными словосочетаниями с существительным *smile*, адъективно-именными словосочетаниями с существительным *smile* (quizzical smile, kind smile, admiring smile, wonderful smile). Наиболее типичным НВК для мужчин в ситуации флирта является проксемный НВК. Мужчины часто используют пространство, чтобы установить контакт с женщиной. Проксемные НВК представлены в тексте глагольными словосочетаниями, связанными с изменением в пространстве: глаголами, модифицированными наречиями: to lean, to come, to approach, to walk over, to go). Наречия, модифицирующие глаголы движения, показывают степень перемещения мужчины в пространстве и в основном представлены прилагательными в абсолютной и сравнительной степени (close, closer, nearer) и наречиями, указывающими направление (forward). Проксемный НВК в невербальном поведении мужчины в ситуации флирта, как правило, сопровождается тактильным видом невербального поведения. Тактильные НВК представлены предикативными фразами и глагольными словосочетаниями, модифицированными наречиями. Типичны глагольные словосочетания с существительным *hand*: (to give smb one's hand, to touch smb's hand, to kiss smb's hand, to bit smb's hand).

Наряду с фонационными, миремическими, мимическими, проксемными и тактильными НВК, нами рассмотрены неконтролируемые НВК (ПФР) и их языковая репрезентация. Неконтролируемые НВК представлены глаголами с семантикой изменения цвета лица (to blush), глаголами, описывающими вздрагивания (to shudder), глагольными словосочетаниями, описывающими деятельность вегетативной системы (to cause sexual arousal).

Особую роль среди разнообразных невербальных компонентов коммуникации занимают невербальные действия, которые в ситуации флирта принимают особое значение. Они в основном представлены глаголами, имеющими значение изменения тела в пространстве, изменения положения тела относительно другого коммуниканта, глаголами движения, модифицированными наречиями. Следует отметить, что в невербальных действиях мужчины в ситуации флирта задействован кинетический класс НВК. Для мужчины типичны специфические проксемные, тактильные действия. Специфика невербальных действий мужчин в ситуации флирта представлена глаголами, описывающими изменения в пространстве – to walk over, to get up, to come back, to stand up; глаголами, описывающими действия над предметами окружающей среды – to hold, to conduct.

Невербальное поведение женщин представлено мимическими, миремическими, проксемными, тактильными, фонационными, респираторными невербальными компонентами. Мимические НВК представлены в тексте адъективно- и адвербиально-именными словосочетаниями с существительным *smile*, глагольными словосочетаниями, описывающими улыбку и губы. Прилагательные, описывающие улыбку, окрашены положительно (beaming, delightful), они выражают удовольствие, полученное коммуникантом и обладают оценочным потенциалом (quick, sudden). Для невербального поведения женщины характерен миремический НВК, так как он напрямую связан с глазами, а женщины часто используют внешность для привлечения внимания в ситуации флирта. Миремический НВК представлен глаголами с семантикой контакта глаза, адъективно-именными словосочетаниями с существительным *look*, глагольно-именными словосочетаниями, описывающими движения ресниц, бровей. Тактильные НВК находят отражение в тексте при помощи именных словосочетаний, глагольно-именных словосочетаний, опорным компонентом которых служит существительное *hand*. Тактильный НВК в ситуации флирта позволяет женщине дать мужчине

понять, что она расположена к нему, то есть сигнализировать о наличии интереса. Как было замечено, тактильные НВК, передающие невербальное поведение женщин, часто описываются при помощи глагольных и именных словосочетаний с существительным *hand*. Женщины либо позволяют мужчине дотронуться до своей руки, либо сами касаются его руки. Прикосновение руки одного коммуниканта к руке другого, на наш взгляд, является одним из важнейших модификаторов ситуации флирта. Проксемные НВК описаны при помощи глаголов движения *to get up* и *to walk*. Женщина изменяет свое личное пространство, чтобы привлечь внимание мужчины на свою фигуру. Фонационные НВК представлены адвербиально- и адъективно-именными словосочетаниями с существительными *voice* и *laugh*. К распространенным фонационным НВК женщин-коммуникантов относится смех. Респираторные НВК в ситуации флирта представлены глаголами, описывающими плач, слезы. Неконтролируемые действия, характерные для поведения женщины, описаны глаголами с семантикой изменения цвета лица.

Анализ специфики невербальных действий женщины в ситуации флирта позволяет сказать, что женщины, флиртуя с мужчинами, изменяют пространство, совершают тактильные действия (*to touch one's shoulder, to touch one's hand, to bite one's hand*). Языковая репрезентация невербальных действий представлена в основном глаголами движения, глаголами с семантикой контакта глаз, глагольными словосочетаниями, описывающими действия с предметами окружающей среды.

Литература

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
2. Карташкова Ф. И. Сложное коммуникативное целое в художественном тесте // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., – Саранск, 2009.
3. Cambridge International Dictionary of English.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED FAL).
5. Oxford Dictionary Online. URL: <http://www.oxford.com/> (OD).
6. The Free Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>.
7. Wordnik. URL: <http://www.wordnik.com/>.

Коваленко Кира Иосифовна
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
kira.kovalenko@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В ГЛОССАРИЯХ И АЗБУКОВНИКАХ XVI-XVII ВВ.¹

Первые глоссарии, известные на Руси с XIII в., сыграли большую роль в русской лексикографии, поскольку легли в основу азбуковников – рукописных словарей, имеющих широкое распространение в XVI-XVII вв. Часть статей из глоссариев была заимствована в неизменном виде, однако чаще наблюдалось расширение семантического описания слова, благодаря привлечению новых литературных и лексикографических источников. В исследовании рассмотрены основные типы дополнений, вносимых составителями в толковую часть.

Ключевые слова: глоссарий, азбуковник, лексикон, толкование, семантика.

Русская лексикография прошла длительный путь развития, начав свою историю с небольших глоссариев к переводным текстам Священного Писания и святоотеческих трудов. Процесс объединения имеющихся словариков в более объемные словарные компиляции, начавшийся в середине XVI века, привел к появлению нового лексикографического жанра – жанра азбуковников, или алфавитов. Материалы глоссариев частично вошли в состав азбуковников, сформировав основу, общую для всех типов этого жанра, которая в значительной мере была дополнена статьями из других источников – глосс на полях или внутритекстовых интерполяций, авторских или редакторских комментариев к неизвестным словам или реалиям. Однако привлечение новых источников не только привело к появлению новых статей, но и повлияло на имеющиеся статьи из глоссариев: толкование в них могло быть расширено или же заменено на новое.

Рассмотрим сходства и различия толкований в словарных статьях из словаря-ономастикона «Речь жидовскаго языка» (РЖЯ) [опубликован: Ковтун 1963: 399–418] и глоссария к Лествице Иоан-

© Коваленко К. И., 2015

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-34-01214 «Азбуковники как лексикографический жанр Московской Руси: традиции и инновации».

на Синайского «Толкование неудобъ познаваемом рѣчемъ» [опубликован: Ковтун 1963: 421–431] в сопоставлении с азбуковниками разных типов¹.

По данным Л. С. Ковтун, исследовавшей источники первых глоссариев, примерно половина статей РЖЯ толкует библейские *nomina sacra* (антропонимы и топонимы), а вторая половина заимствована составителем из славянского перевода Псалтири с толкованиями Афанасия Александрийского и является объяснением символики Псалтири [Ковтун 1963: 17–43]. При этом выбор толкования носил зачастую произвольный характер, что нередко затуманивало или искажало значение слова.

Несмотря на это, значительная часть статей РЖЯ вошла в азбуковники в неизменном виде: *Антима, баня* (Погод. 1145, л. 32 об.; 1642, л. 15 об.; Q.XVI.7, л. 8) – ср. *Анатима, баня* (РЖЯ, 63) из *Иермони же съказаеться анатима, въ Ерданѣ убо показа баню нетльнѣния* [Ковтун 1963: 19]; *Арава, вечерь* (O.XVI.1, л. 10; Погод. 1145, л. 32; Погод. 1642, л. 5) – ср. *Арова, ве'ръ* (РЖЯ, 91) из *Арова бо вечерь съказаеться* [Ковтун 1963: 23]; *Кротафы, преч'теи* (O.XVI.1, л. 58; Погод. 1145, л. 81 об.; Погод. 1642, л. 81; Q.XVI.7, л. 44 об.) – ср. *Кротафы, преч'ть* (РЖЯ, 112) из *отъ глѣтъ влѣдични. кротафы, яко пр'чсто* [Ковтун 1963: 26]; *Соломонь, мирь* (Погод. 1145, л. 151; Погод. 1642, л. 140 об. – 141; Q.XVI.7, л. 81) – ср. *Соломонь, мирь* (РЖЯ, 83) из *Сельмонь съказаеться мирь* [Ковтун 1963: 22]; *Ханаонь, разумь* (O.XVI.1, л. 111 об.; Погод. 1145, л. 166 об.; Погод. 1642, л. 158 об.; Q.XVI.7, л. 89 об.) – ср. *Ханаонь, разумь* (РЖЯ, 107) из *Ханаань бо съказаеться разумьне* [Ковтун 1963: 25]. К сожалению, «греческий оригинал... плохо объясняет славянский текст» [Алексеев 1999: 36], и соотнести цитаты из славянского перевода с греческим текстом Толкований Афанасия Александрийского [Athanasius... 1857] невозможно.

Другим источником азбуковников, материалы которого с достаточной полнотой сохранились в их составе, являлся глоссарий к Лествице «Толкование неудобъ познаваемом рѣчемъ» с объяснением богословских терминов в сочинении Иоанна Синайского и толкованием диалектизмов из наиболее раннего (преславского) перевода [Попова 2011: 52]. Многие статьи также полностью совпадают в

¹ Для исследования привлекались азбуковники, имеющие наибольшее распространение в Московской Руси, а именно: Первого (O.XVI.1), Второго (Погод. 1145), Третьего (Погод. 1642) и Шестого типов (Q.XVI.7) по классификации Л. С. Ковтун [Ковтун 1989: 9–10]. Для цитат из азбуковников указывается номер листа в рукописи, из глоссариев – номер статьи в публикации. Цитаты приводятся в упрощенной орфографии.

гlossарии (второй редакции) и азбуковниках: **Кычєніє**, *высокорѣчіє славы ради* (37) – ср. **Кичєніє**, *высокорѣчіє славы ради* (О.XVI.1, л. 66; Погод. 1145, л. 88; Погод. 1642, л. 80); **Кудь**, *произволеніє* (1) – ср. **Кудь**, *произволеніє* (О.XVI.1, л. 68; Погод. 1145, л. 83 об.; Погод. 1642, л. 86; Q.XVI.7, л. 51); **Омуся**, *единосущьство* (24) – ср. **Омуся**, *единосущество* (О.XVI.1, л. 82 об. – 83; Погод. 1145, л. 117; Погод. 1642, л. 112; Q.XVI.7, л. 65); **Пронырство** (!), *лукавьство* (33) – ср. **Пронырство**, *лукавство* (О.XVI.1, л. 88; Погод. 1145, л. 135; Погод. 1642, л. 122; Q.XVI.7, л. 67 об.); **Поуверзєніє**, *умилєніє* (51) – ср. **Поуверзєніє**, *умилєніє* (О.XVI.1, л. 89; Погод. 1145, л. 135; Погод. 1642, л. 124 об.; Q.XVI.7, л. 68); **Узрокъ**, *вина* (13) – ср. **Узрокъ**, *вина* (О.XVI.1, л. 106 об.; Погод. 1145, л. 158 об.; Погод. 1642, л. 150) и др.

Однако в большинстве случаев составители азбуковников не довольствовались толкованиями, имеющимися в гlossариях, и старались так или иначе расширить их. Увеличение толковой части статей могло происходить разными путями, что, вероятно, зависело от индивидуальных вкусов составителей, а также тех источников, которые находились в их распоряжении.

Так, например, в азбуковнике Первого типа (О.XVI.1, л. 107) статья РЖЯ **Фаворъ**, *ходи от дѣхъ* (207) оставлена без изменений, в то время как в азбуковнике Шестого типа сообщается расстояние до Иерусалима: **Фаоръ**, *есть гора отстои^m от Иерл^cима гѣ днѣ ходу пѣшему, толкует же ся Фаворъ, ходяи от духа* (Q.XVI.7, л. 85 об.), а в азбуковнике Второго типа приводится расстояние уже до двух крупных городов Иудеи и Израиля – Иерусалима и Тивериады, перечисляются события библейской истории, связанные с данным топонимом: **Фаоръ**, *Фаоръ есть гора бли³ Иеросалима, яко по//прищѣ, рѣк (на полях: сухи^m путе^m, гѣ днѣ.), толкуеть же ся Фаоръ ходяи от дѣхъ, в семь Фаоръ Хс ѣ преобразися, в се^m Фаоръ блѣви Мелхисѣдекъ Авраама, а отстоить Фао^p от тивериада града, гѣ стадии к западу (!)* (Погод. 1145, л. 161 - 161 об.).

Дополнительные сведения в статьях с толкованиями топонимов, конкретизирующие местонахождение местности и включающие историко-культурный комментарий, приводятся в азбуковниках достаточно регулярно, особенно в Погод. 1642: **Галла^o**, (!) *гра^o Палестиⁿскои то^kкуеться, преселєніє* (Погод. 1642, л. 35 об.) из **Галада**, *преселєніє* (РЖЯ, 77); **Ефиопия** *от Иерл^cима к лѣтнему востоку, то^kкует же ся Ефиопия смиреніє* (Погод. 1642, л. 53) из **Ефиопия**, *смѣрєніє* (РЖЯ, 90); **Ефратъ**, *рѣка, четвертая часть рѣки и ше^oши из рая, сия напаяет страну Вифлиоⁿскую, а исходи^m она от гор^p Арараⁿскиⁱ; то^kкует же ся Ефра^m пло^o и просвѣщеніє, и утроба* (Погод. 1642, л. 50 об., близкое толкование в О.XVI.1, л. 42 об. и Погод. 1145, л. 60) из **Ефратъ**, *плодъ* (РЖЯ, 113) и **Ефратъ**, *просвѣщеніє* (РЖЯ, 21).

Сходный, но тем не менее отличающийся историко-библейский комментарий дается в азбуковниках в статье *Иудгя*: *Июдгя, Июда бѣ четвертыи снѣ Ияковль, от сего Июде (!) Хс по плоти // от сего^{жс} Июды, еврее шодгыми наричю^мся, сему Июдгь удгленна в наслгдие часть земли Июдея наричетя яже от Иеросалима отстоитъ ко югу об он поль Иордана; толкуе^м же ся Июдея исповѣ^о, или покаяние (Погод. 1145, л. 74 – 74 об.); *Июдея (т) Июда бѣ, д^ч снѣ, Ияковль, посему жидове шодеи и // имену^мся и от сего Июды Х с Бгъ во плоти , сему Июды отдгленая земли часть от Иеросалима к полуднѣ, глѣтся страна Июдейская, в неи же Вифлио^н, идгже Хс Бгъ плотию роди^с, то^ккуетъ же^с Июдея исповѣдание (Погод. 1642, л. 65 – 65 об.); *Июдея, Июда бѣ снѣ Ияковль, правнукъ адама прѣотца, о^м сего Июды Хс по плоти, того ради и земля, уделеная в наслгдие колгну Июдову, наричетя земля Июдова, се же е^ть Июдея, толкуетъ же^с Июдея исповѣдание, рекше покаяние (О.ХVI.1, л. 54). При этом все статьи содержат перевод из РЖЯ *Июдги, исповѣдание* (71).***

В качестве источников дополнительных сведений составители использовали святоотеческие толкования на Священное Писание и Лексис Лаврентия Зизания, вышедший на юго-западе Руси в 1596 г. – незадолго до появления Второго, Третьего и Шестого азбуковника.

Так, например, составители Первого и Третьего азбуковника, наряду с толкованием из РЖЯ *Змюрна, неистлгние* (64) включают толкование Феофилакта Болгарского на Евангелие от Матфея: *Змирна, змирна е^ть мастъ блгговонна, иже составляетя о^м ви^о четыре^х, о^м змирны цвѣта, и кинанома блгговонна, и масла, иматъ же силу змирна изсушати мокроту телесную и во гробе тглю негниюще соблюдае^м, в тои бо погребается мертвы^х телеса не истлгю^м (О.ХVI.1, л. 49 об.); *Змирно (т) во Аравии е^с древо имене^м змирно, ве^ми блггюханно. Сего древа кора нарицается // кинано^м, еже есть корица. Сего древа со^к нарицается аллои. Цвѣтъ же сего древа и кору объемлюще и мятву со ингми блггюханьми, и варять в маслѣ древяно^н, и то масло вареное нариче^мся змирно. Има^т же силу змирно вареное изсушати мокроту тглесну^ю в то^м бо погребается мртвыхъ тглеса не тлгю^м (Погод. 1642, л. 61 об. – 62, схожая статья в Q.XVI.7, л. 35 об.) – ср. в толковании Феофилакта: *Змирну же яко хотящу смртѣ вкусити, снѣ змирною бо погрѣбають шодеи, зане быти тглю неистлгему, и змирна бо суци иссушаетъ мокроту, не дасть червемъ быти* (РГБ, ф. 304.I, № 109, л. 17 об.).**

Составитель азбуковника Второго типа использует помимо этого материалы Лексиса Лаврентия Зизания: *Змирно, есть мастъ велми блггюханна, е^{жс} нарицается масло измирнское, составляетея змирна то (!) от видѣ четыре^х от змирны цвѣта, и кинанома и корицы блгговонна, и масла древенана, и мятвы; а въ гра^нмотичномъ алфавитѣ пишеть яко во Аравии есть нгкое древо нарицаемо змирна, из него^{жс} тече^м сокъ блггюханьны, нарицаемыи стака, тгмже и масло то составное, от сего змирна нарицается змирно, толкуетея змирно неистлгние плоти, в*

томъ бо погрѣбаема мертвы^х тѣлеса не истлѣю^м, имать бо силу змирна, изсушати мокроту тѣлесную (Погод. 1145, л. 70) – ср. в Лексисе **Смирна**, естъ нгъяко^с древо в Аравии, з которого запаишъный сокъ течеть... такъти называемый [Лексис... 1964: 54].

Первые попытки этимологического анализа слов также получают отражение в азбуковниках: в статье из Погод. 1642 **Аллилуия**, хвала Бѣу, в Гра^мматицы же то^куе^м, алль прииде, иль Бѣъ, уия воспѣвайте, пойте (л. 11) после толкования из РЖЯ **Альлюгуиа**, хвала Бѣу (141) следует толкование из «Грамматицы», т. е. Лексиса Лаврентия Зизания (именно такое обозначение было принято в азбуковниках для материалов из Лексиса Лаврентия Зизания, поскольку в издании он прилагался к его Грамматике): **Ал^ллилуия**, хвала Бѣу. ... еврейски^м бо языко^м естъ алль, иде^м, явися, а иль, Бѣъ, а уия, хвалите, въспѣва^ите [Лексис... 1964: 1–2]. Составитель Второго азбуковника включает еще и толкование Афанасия Александрийского (полностью, а не в сокращенном виде, как это было в глоссарии): **Аллилуя**, хвала живому Бѣу или со архаггѣлы прославимъ истинна^с Бѣа, излияваго на ны своя щедроты, а в Гра^мматицѣ аллилуия то^куетъ сице, еврейски^м языко^м алль идетъ, явися; иль Бѣъ; оуия, хвалите, воспѣвайте (Погод. 1145, л. 24 об.).

Использование дополнительных источников при составлении азбуковников привело к тому, что в одном толковании могла содержаться разнородная информация о слове. Так, например, в статье из азбуковника Третьего типа **Кидарь**, (т) тма, или клобукъ архиереиский, иже и митра глѣтѣя, и паки кидар^р нарицае^м и домы татарския, овы бо ихъ в земли ископаны, и того рад^д темныи; овы на колесниця^х, по^{ст}ми ограждены; естъ же и гра^р нарицаемъ кидаръ о нем же пишеть, вселихся с селы кидарьскими (Погод. 1642, л. 80) и статье азбуковника Шестого типа **Кидар^р**, т^т. шапка архиереевъ жидовски^х, иже бѣ драга и хитро утворена; индѣ зовется клакукъ (!), и индѣ митрою нариче^м; Кидаромъ^{же} наричу^тся и домы татарския, в земли ископанны^я, понеже темны су^т, и темности рад^д кидаро^м именуемъ ихъ, по сирски бо кидаръ, а словенски темность, яко^ж пише^т: увы мнѣ яко пришестьвие мое удалися, вселихся с селы кидарьскими, сирѣчь с чловѣки во тмѣ съдѣяцими (Q.XVI.7, л. 49 об.) приводится перевод еврейского слова קִדָּר 'темный, смуглый', взятого составителем из статьи РЖЯ **Кидарь**, мракъ (111, по другим спискам – тма) и значение апеллятива кидар 'головное священное украшение иудейского первосвященника, в виде чалмы, из виссона... которым обвивалась голова' [Никифор 1990: 392]. Несмотря на то, что название города Кидар в Библии не встречается, составитель выводит его на основе этнонима, поскольку кедар – это 'кочующий народ аравийский, происшедший от Измаила' [Никифор 1990: 386]. Цитата из Псалтири увы мнѣ яко пришестьвие мое удалися, вселихся

с селы кидарскими (Пс. 119: 5-6) является в данной статье иллюстративным материалом.

Таким образом, используя статьи из ранних лексикографических сводов, описывающих значение слов как библейских символов или дающих дословный перевод, составители азбуковников стремились к более полному семантическому описанию слова. Благодаря привлечению дополнительных источников – как литературных, так и лексикографических – стало возможным раскрыть этимологию слова, описать максимально известное количество денотатов, обозначаемых тем или иным словом, дать энциклопедическую справку. Этим объясняется распространенность азбуковников на Руси в течение длительного времени – в XVI–XVII веках повсеместно, а затем преимущественно в старообрядческой среде. Известно, что протопоп Аввакум цитировал азбуковник [Юдин 2012: 122], а Соловецкий книжник Сергей Шелонин и создатель Степенной книги делали выписки из азбуковников, толкуя неизвестные слова [Сапожникова 2010: 392–393; Юдин 2012: 123]. Позднее материалы рукописных словарей были использованы в Церковном словаре протоиерея Петра Алексеева. В наше время азбуковники служат незаменимым источником по исторической лексикологии русского языка, помогая определить время заимствования иноязычных слов, воссоздать их фонетический облик, графико-орфографическое оформление и лексическое значение.

Литература

1. *Athanasius Alexandrinus Archiepiscopus*. Expositiones in Psalmos / Migne J.-P., ed. – Paris, 1857. P. 59–590 (PG, 27).
2. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. – СПб., 1999.
3. *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). – Л., 1989.
4. *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
5. *Лексис Лаврентія Зизанія*. Синоніма славеноросская / Підг. текстів пам'яток і вступ. ст. В. В. Німчука. – Киев: Наукова думка, 1964.
6. *Никифор*, архимандрит. Библиейская энциклопедия. – М., 1990. Репринтное издание 1891 г.
7. *Попова Т. Г.* Лексические особенности первого славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского / Т. Г. Попова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 52–57.
8. *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010.

9. Юдин А. А. К проблеме изучения так называемого Второго Азбуковника (Грамматическая и Федоровская группы списков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Том 11. Вып. 2: Филология. С. 122–129.

Источники

1. O.XVI.1 – рукопись Российской национальной библиотеки ОСРК O.XVI.1, в 8°, 223 л., 1620-е гг.
2. Q.XVI.7 – рукопись Российской национальной библиотеки ОСРК O.XVI.7, в 4°, 95 л., 1650-е гг.
3. Погод. 1145 – рукопись Российской национальной библиотеки, собрание М.П. Погодина, № 1145, in folio, 229 л., 1630-40-е гг.
4. Погод. 1642 – рукопись Российской национальной библиотеки, собрание М.П. Погодина, № 1642, в 4°, 175 л., 1630-е гг.

Козырева Вера Олеговна

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
vercozver@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕМЕЦКОГО СЛОВА «ABER» В РЕЧИ МОДЕРАТОРА ТОК-ШОУ «ANNEWILL»

Статья выполнена в рамках дискурсивного анализа, посвящена коммуникативному взаимодействию в рамках медийного дискурса. Основное внимание в работе автор акцентирует на употреблении модератором служебного слова «aber» в условиях публичной коммуникации, а именно на основе жанра ток-шоу. В результате показано противопоставлении ожидаемый модератора и реального хода коммуникативного процесса.

Ключевые слова: aber, ток – шоу, публичная коммуникация, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникативный ход.

Проблематика, разрабатываемая в трудах Николая Николаевича Холодова и его учеников, является актуальной до сих пор, так как служебные слова в современных условиях приобретают новые оттенки, выполняют дополнительные функции и тем самым обогащают свою семантику. Особенно ярко это проявляется в употреблении языковых единиц со значением противопоставления. Слова этой группы неоднократно попадали в фокус внимания Н. Н. Холодова: «Именно ярко выраженное лексическое значение противительности

не позволяет **напротив** выражать семантику, противоположную его собственной, в то время как типичные сочинительные союзы – **и**, **а**, **но** – способны на взаимозамену (разумеется, с изменением оттенков смысла): На полянах хорошо, **и** в лесу прекрасно/На полянах хорошо, **но** и в лесу прекрасно; Солнце, **и** так холодно!/Солнце, **но** так холодно!» [Холодов 1975: 82, 107]. Он отмечал, что в сложносочиненных предложениях с союзом **но** подчеркиваются различия составных частей. Содержание первого компонента подается как нечто исходное, а содержание второго – как нечто сказанное в противовес содержанию первого, при разной, противоположной оценке фактов, изложенных в них [Холодов 1975: 167].

На материале немецкого языка слова с семантикой противопоставления рассматриваются в работах Р. И. Бабаевой, но делает она это на основе их употребления в разговорной речи. Так, служебное слово **aber** Р. И. Бабаева рассматривает как союз и как модальную частицу. У модальной частицы выделяются следующие семантические компоненты: «**aber**: противопоставление, неожиданность, оценка степени “очень”» [Бабаева 2008: 76, 80, 113]. При рассмотрении семантики союзных слов Р. И. Бабаева обращает внимание на широкий спектр функций наиболее употребительных союзов в обиходном дискурсе: «Союзы, характерные для обиходного дискурса, отличаются богатым функциональным потенциалом». Таким образом союз **aber** выполняет следующие функции: адверсативную (основная функция); соединительную, причинную, уступительную (дополнительная функция в рамках своего класса) и функции корректировки, ввода аргумента, неожиданности и неуверенности (прагматические функции) [Бабаева 2008: 206–207].

В рамках данной статьи рассмотрим употребление служебного слова **aber** в условиях публичной коммуникации, а именно на основе жанра ток-шоу, так как данное коммуникативное пространство, вероятно, позволяет рассматриваемой нами единице в полной мере проявить свой функциональный потенциал.

Эмпирическую базу исследования составили транскрипты ток-шоу «Anne Will», всего было просмотрено и проанализировано четыре передачи, транслируемое время которых составило 4 часа 56 минут 18 секунд. Анна Вилль является одним из самых известных модераторов первого канала Германии «Das Erste». Данное шоу проходит на немецком канале по средам в вечернее время, модератор в студии обсуждает со своими гостями политические процессы, экономические вопросы и социальные тенденции в развитии общества.

Важно отметить, что модератор ток-шоу «Anne Will» не относится к классу агональных телеведущих. Она не стремится акцентировать внимание на собственном мнении, а косвенно подводит участников к высказыванию той информации, которая вписывается в рамки концепции передачи. Слово *aber* является одним из средств, помогающих модератору реализовать разные стратегии организации общения.

1. Корректировка в рамках контроля над темой.

Использование модератором союза *aber* является маркером таких коммуникативных стратегий, как прагматическая (тактика создания эмоционального настроения (1)) и диалоговая (тактика контроля над организацией диалога(2) и контроля над темой(3)). Рассмотрим примеры.

Ток-шоу “Anne Will” является одним из самых популярных на немецком телевидении: модератор – яркая личность, которая умеет сделать передачу не только интересной, но и привлекательной с точки зрения создания эмоционального настроения. В выпуске «EU Minister droht der Schweiz und zeigt wie demokratisch die EU ist» обсуждаются не только политические вопросы Германии, но и решения, которые принимает Швейцария в отношении Германии, а также решения всего европейского союза в целом. У каждого участника передачи есть свое мнение по обсуждаемому вопросу. Когда Анна Вилль понимает, что участник отходит от темы или уже отвечает на вопрос, который не должны были рассматривать, она тактично пытается показать участникам, что надо вернуться обратно к теме передачи. Например, с помощью фраз: «*aber* die Frage war – was wollen Sie?...» и «Ja, gut.. *aber* Ihr sagt jetzt etwas anderes...» – модератор не только направляет тему передачи в нужное русло, но и поднимает настроение участникам, произнося эти фразы с улыбкой и таким способом формируя положительный эмоциональный настрой.

(3) Тактика контроля над темой является очень важной для модератора. Основная задача модератора – сделать передачу привлекательной и интересной, поэтому данная тактика используется очень часто, особенно в тех случаях, когда участники передачи ловко уходят от вопросов или даже отказываются отвечать на них. В передаче «Abgehoben, abgeschottet, unsozial – Sind so Deutschlands Eliten?» модератор пытается узнать мнение Элен Юбершер (Ellen Überschär), секретаря евангелистической церкви, об элите и о том, что их считают отстраненными от социальной жизни страны. Элен Юбершер в начале своего ответа соглашается с мнением модератора, но в ходе разговора уходит от темы. Модератор замечает это и пыта-

ется вернуть разговор в нужное русло: *«aber jetzt haben Sie ein ... gelassen und nicht geantwortet auf die Frage....»*.

2. Корректировка распределения коммуникативных ролей.

(2) В передаче «Zu süß, zu billig, zu ungesund – Werden wir im Supermarkt getäuscht?» речь идет о том, что на сегодняшний день продукты, которые люди покупают в магазинах, не соответствуют требованиям к их качеству, и о том, что многие начинают питаться едой быстрого приготовления. Участники передачи активно высказывают свое мнение по данному вопросу. Таня Бусс, писательница и журналистка, акцентирует внимание на том, что в магазинах продается огромное количество продуктов, которые на самом деле привлекательны только из-за своей упаковки, потому что полезных веществ в этих товарах нет. Анна Вилль, зная о том, что Штефан Генф, исполнительный директор ассоциации торговли Германии, имеет возможность изменить данную ситуацию на рынке, спрашивает его: *„... aber Herr Genth, werden wir im Supermarkt getäuscht?“* Тем самым она прибегает к тактике организации диалога: пытается вовлечь другого участника передачи в беседу и сделать общение более содержательным и интересным.

3. Создание определенной эмоциональной тональности: столкновение мнений.

На сегодняшний день встречается большое количество передач, в которых модератор стремится создать конфликтную ситуацию или разговор на повышенных тонах. К такому типу модераторов чаще всего относится так называемый агональный модератор. Анна Вилль обычно занимает нейтральную позицию и вступает в разговор только тогда, когда она замечает, что передача становится скучной. Так, например, в ранее уже рассмотренной передаче «Zu süß, zu billig, zu ungesund – Werden wir im Supermarkt getäuscht?» модератор обращается к участнику с фразой *« ... aber von der Schulessen habe ich von Ihnen nichts gehört ...»* (*но о школьной еде я от Вас ничего не услышала...*). Участник вынужден вернуться к теме разговора. Модератор тем самым создает экспрессивность передачи, определенную тональность напряжения.

4. Создание определенной эмоциональной тональности: смягчение контраста.

Наиболее типичным случаем смягчения контраста, выражения частичного согласия служит сочетание *«ja, aber ...»*.

В выпуске передачи «EU Minister droht der Schweiz und zeigt wie demokratisch die EU ist» речь идет о том, что Люксембург старается перенять всю власть на себя и в некоторых ситуациях даже не

учитывает решения других стран; все и вся должны подчиняться его правилам. В трансляции Ассельборн признал, что Люксембург больше не будет существовать без иммигрантов. С его мнением многие согласны, но не хотят говорить это публично. Поэтому Кристоф Мерглей (Christoph Morglei), швейцарский политик и историк, тщательно пытается закрыть эту тему и начинает приводить примеры, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Модератор не скрывает своего недовольства и аккуратно намекает ему, что он отходит от темы – «*Ja, gut... aber Ihr sagt jetzt etwas anderes...*». Участники и зрители передачи понимают, что эта фраза поменяет ход разговора, и ожидают «накала страстей», который и следует.

Таким образом, как показал проанализированный материал, союз **aber** в коммуникативном пространстве ток-шоу реализует свой многогранный функциональный потенциал, опирающийся на семантику противопоставления. Это позволяет ему быть маркером определенных коммуникативных тактик и стратегий. Благодаря тому, что в слове **aber** содержится указание на противопоставление, оно может быть маркером тактики корректировки (контроль над темой, контроль над распределением коммуникативных ролей) при организации процесса общения. В этом случае акцент делается на противопоставление ожиданий модератора и реального хода коммуникативного процесса.

Акцентирование противоположных точек зрения с помощью слова **aber** вносит вклад в создание экспрессивности передачи, определенной тональности напряжения, накала страстей. В этом случае **aber** является одним из показателей реализуемой прагматической стратегии (создание заданной эмоциональной тональности).

Сочетание **ja, aber** служит средством смягчения контрастности и вызывает эффект гармоничного общения, что также связано с задачей создания нужной эмоциональной тональности.

Литература

1. Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в обиходном дискурсе (на материале немецкого языка). Монография. – М.–Иваново: МГПУ, Арт Виста, 2008. 331 с.
2. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Ч.1. – Смоленск, 1975. 214 с.

Колосько Елена Валентиновна
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
evkolosko@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СОЧЕТАНИЙ С КАЧЕСТВЕННО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ¹

Статья посвящена переносным значениям устойчивых сочетаний с качественно-притяжательными прилагательными. Метафорические значения, характеризующие человека, реализуются в русском языке в форме сравнительных оборотов, метафор, а также устойчивых сочетаний с прилагательными. В статье используются материалы из словарей русского литературного языка и словаря русских народных говоров. Автор сравнивает образные устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными, образованными от наименований животных, в литературных текстах и в материалах говоров. Автор также сравнивает русские устойчивые выражения с близкими по ключевому образу устойчивыми выражениями, распространенными в китайском языке. Тем самым определяется широкий потенциал сравнительных исследований на материале устойчивых сочетаний с качественно-притяжательными прилагательными.

Ключевые слова: притяжательное прилагательное, метафора, устойчивое выражение, сравнение, диалектология.

Семантическая прозрачность притяжательных прилагательных основана на устойчивости ассоциаций, заложенных в сознании человека с давних времен. Эти ассоциации явились основой многочисленных сравнений, метафор, устойчивых сочетаний, фразеологизмов. Не случайно образные сравнения человека с животными и в настоящее время распространены во многих языках мира. В статье приводятся примеры притяжательных прилагательных, относящихся, с одной стороны, к лексико-семантической группе «Животное», а с другой, к лексико-семантической группе «Человек».

Языковая форма реализации значений притяжательных прилагательных – сочетание. Многие из них имеют синтагматическую устойчивость, обусловленную практической направленностью дея-

© Колосько Е. В., 2015

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Сводная диалектная и региональная лексикография; теория и практика»), проект № 13-04-00148.

тельности человека. В самом деле, при слове *волчий* мы можем легко выделить наиболее часто встречающиеся сочетания: *волчий оскал*, *волчья икура*, *волчье логово*. Малый академический словарь выделяет сочетания *волчий вой*, *волчья стая* [СРЯ, 1981: 207]. Лексической базой для данного исследования служат и материалы Словаря русских народных говоров (СРНГ).

В современных работах, посвященных отыменным прилагательным, очень скупо упоминается о том, что притяжательные прилагательные могут выражать типичные для относительных прилагательных значения: ‘изготовленный из’ (соболий воротник), ‘предназначенный для’ (охотничье ружьё), ‘состоящий из’ (птичья стая) – и могут развивать качественные значения (волчий аппетит, собачий холод). Отмечается, что качественные переносные значения образуются именно у сочетаний слов, часто употребляющихся вместе. Качественные значения объединяют номинативную функцию устойчивого сочетания с характерологической, экспрессивной и эмотивной, т.е. не просто называют предмет или понятие, но и выделяют наиболее важные его свойства, выражают к нему отношение говорящего, дают оценку. Но среди качественных значений можно выделить первичные, отличающиеся повышенной экспрессивной семой, и вторичные, переносные значения, имеющие характерологическое значение, переносящие притяжательное прилагательное в другое семантическое поле при помощи тех же связующих слов. Выражения *волчья хватка* – ‘сильная хватка волка’, *собачий нюх* – ‘чрезвычайно тонкий нюх собаки’ отличаются от выражений *волчья хватка* и *собачий нюх* – ‘о способностях человека’. Еще большую метафоричность проявляют значения выражений *волчий аппетит* – ‘сильный аппетит у человека’ (у волка нет аппетита), *собачий холод* – ‘сильный холод именно для человека’. Здесь компоненты устойчивых сочетаний меняются кардинально в сторону человека. В.В. Виноградов называл такие значения экспрессивно-синонимическими, т.к. они обычно являются вариантами, синонимами других нейтрально-оценочных сочетаний [Виноградов, 1972: 151–152].

Отдельно, мне кажется, можно выделить группу фразеологизмов, толкование значений которых требует пояснений культурологического характера. Так значения выражений *волчий билет*, диалектного *волчья палестина* (бранное выражение – волчья порода) [СРНГ5, 2002: 80] сформированы на основе социальной оценки, которая отличается от индивидуальной, авторской.

В исследованиях по фразеологии устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными рассматриваются в тематических группах вместе с другими фразеологическими выражениями. Отдельных исследований, рассматривающих устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными почти нет. Нет их и в работах по лексической семантике, посвященных образным средствам языка, как правило, рассматриваются субстантивные метафоры (*заяц, лев, осел*), устойчивые сравнения (*злой как волк, голодный как волк*) или фразеологизмы (*морской волк, хоть волком вой, работа не волк, в лес не убежит*). Метафора использует образ, на основе которого формируются устойчивые сравнения. Есть версии, что именно из таких сравнений «вырастает» метафора. Возвращаясь к первичным переносным значениям сочетаний с притяжательными прилагательными, хотелось бы обратить внимание на обширную группу наименований растений. Я бы отнесла значения таких сочетаний, как *волчье лыко, волчьи ягоды* или *медвежье ухо, кошачьи лапки* к первичным метафорам, так как они связаны непосредственно с образом животного и легко возводятся к сравнительным конструкциям с предлогом *как*.

А вот в других устойчивых сочетаниях с качественно-притяжательными прилагательными нет такой прямолинейности. Существуют совпадения значений устойчивых выражений с притяжательными прилагательными и субстантивных метафор (сравнительный оборот *труслив как заяц*, метафора *заяц* – ‘о безбилетном пассажире’ и *заячья душа* – ‘о трусливом человеке’). Но есть и расхождения: выражение *медвежья болезнь* не соотносится с выражением *медвежья услуга*, оно не имеет соответствующего сравнения или субстантивной метафоры, а метафорическое значение слова *медведь* – ‘невоспитанный человек’ не может быть выражено сочетанием, например, *медвежье воспитание*. Еще пример из другой лексико-семантической группы: значение сочетания *осиная талия* – ‘о тонкой талии’ не соотносится с метафорой *оса* – ‘о надоедливом человеке’. Они основаны на разных признаках исходного образа.

В русском языке образные метафорические модели могут реализоваться на базе разных признаков и в различной форме, в форме существительного, иногда в сочетании с прилагательным, и в форме устойчивых сочетаний с притяжательными прилагательными. Один образ, различный ракурс. Кроме того, образные выражения часто отличаются степенью конкретизации признака. Так *козлиная борода* определяет один внешний признак человека – жидкая узкая, маленькая борода (как у козла), сравнение как козел предполагает конкре-

тизацию, а метафора *козел* является комплексной психологической, дает морально-этическую оценку (о неприятном в общении, упрямом, глупом, часто непорядочном человеке). В словаре русских народных говоров есть прилагательные *козий* и *козиный*. Все сочетания, относящиеся к человеку, *козьи лапки*, *козьи мощи*, *козья (козиная) смерть*, *козиные тиски* обозначают некрасивого (тонконового, длинноносого), хилого, болезненного человека [СРНГ14, 2002: 65]. Здесь мы видим физическую характеристику человека, выделяющую два основных качества – тщедушный и болезненный. Вероятно, для отрицательной морально нравственной оценки такие качества не были достаточны, чтобы на их основе образовать метафору.

Антропоцентрическая метафора рассматривалась автором на обширном материале русских народных говоров в сравнении с литературным нормированным языком [Колосько, 2002: 80]. Диалектные устойчивые сочетания с качественно-притяжательными прилагательными зачастую не только дополняют образную палитру литературного языка, но и показывают такие грани образа, которые не нашли отражения в литературной метафоре, фразеологии. Автор исследования пришел к выводу, что метафорическая модель имеет несколько уровней: образный, семантический, словообразовательный и синтагматический – уровень языковой реализации. Например, широко распространенный образ *Лиса* имеет несколько семантических кластеров, в пределах которых реализуется признак ‘рыжая’ или признак ‘хитрая’. В литературном языке метафора лиса – ‘хитрый и лживый’. И прилагательное *лисий* имеет соответствующее метафорическое значение хитрый, лукавый и употребляется в художественных текстах в сочетаниях *лисья хитрость*, *лисьи повадки* по отношению к человеку [СРЯ, 1982: 187]. А в словаре русских народных говоров отмечено слово *лисавка* – о девушке с рыжими волосами [СРНГ17, 2002: 61]. Прилагательное *лисий* в сочетании *лисья погода* – о дожде с солнцем реализует тот же признак цвета [Там же]. На примерах прилагательных *козий* и *лисий* мы видим существование образно-признаковых моделей, имеющих распространение в народном обиходном языке, отражающих актуальные для крестьянства свойства, качества человека или других явлений природы.

Компаративные исследования метафорической лексики имеют научную ценность при условии рассмотрения всех уровней образных метафорических моделей. На образной основе метафорических моделей в различных языках существует максимальное количество сближений, образы диких и домашних животных, образы птиц, растений совпадают во многих языках. Поэтому сравнительных иссле-

дований, основанных на выделении образной основы идиоматических выражений, довольно много. На семантическом уровне меньше совпадений, значения некоторых идиом частично не совпадают или различаются полностью. На уровне языковой реализации, естественно, также существуют различия. В результате практической работы с китайскими студентами РГПУ им. А. И. Герцена, будущими филологами, которые заполняли анкеты, выполняли научные работы, были получены языковые факты, позволившие автору провести сравнительное исследование. Студентам предлагалось подобрать соответствующие образному типу (животное, птица, рыба, предмет, человек, артефакт) китайские метафоры или устойчивые сравнения, и, если они существуют, устойчивые выражения с притяжательными прилагательными, характеризующие человека. В дальнейшем студенты выполняли работы по сравнительному изучению метафорической лексики, фразеологии китайского и русского языков, опираясь на данные словарей литературного языка. При изучении способов реализации образного сравнения обнаружилось, что форма метафоры менее задействована в китайском языке, чаще используется сравнительный оборот со словом как. В китайском языке так же, как и в русском, имеется множество устойчивых выражений, которые широко используются в речи как в прямом, так и в переносном значении (*лисий хвост, волчьи глаза, кошачья походка*). Обычно слова соединяются суффиксом, обозначающим принадлежность, и употребляются с союзом как или со словами *подобно, похожий на*. По сути – это сочетания двух существительных, переводить которые на русский язык можно при помощи сочетаний двух существительных или притяжательного прилагательного и существительного (лисий хвост или хвост лисы). В китайском языке редко используется субстантивная метафора, главным образом сравнение передается оборотом со словом как. И поэтому именно сравнительные обороты – наиболее продуктивная тема для компаративных исследований русского и китайского языков. К сожалению, из поля зрения исследователей-компаративистов, опирающихся на прямой перенос наименований (собака – человек, свинья – человек), выпадают сочетания с притяжательными прилагательными, возможно потому, что переносные значения в китайском языке часто связаны с денотатом не прямо, а при помощи атрибута, на который переносится признак, соотносимый с признаком субъекта номинации. Так, в китайском языке устойчивое сочетание *лисий глаз* означает желание человека ‘соблазнить, обольстить’. Выражение *лисий хвост* характеризует

особенность человека, старающегося показать другого с плохой стороны или запутать людей. В китайской художественной литературе это выражение популярно: *Но он также сказал слишком явно, явно его лисий хвост показал* [Вэн Юйсян, 2003: 32]. В русском литературном языке есть только метафора *лиса*. В китайском языке активно используется выражение собачья конура, которое означает ‘неубранная комната, где всегда беспорядок’ (и это выражение употребляется только в сравнительном обороте, например: *Он никогда не приводит комнату в порядок, как собачья конура*). В русском языке собачья конура – это обозначение очень плохого жилья. В китайском языке существует выражение: *у кого-либо собачьи ноги*. Это означает, что кто-либо или чей-то приспешник, или, наоборот, изменник. В словаре русского литературного языка есть только бранные выражения *собачий сын* и *собачья душа*. Следует заметить, что, если сравнивать метафорическую лексику только русского литературного языка с лексикой китайского литературного языка, может показаться, что в китайском языке атрибутивные признаки при переносе значений чаще используются, чем в русском языке. Но обратимся к материалам русских народных говоров. Там мы можем найти кроме метафор, таких как *собачуга* – ‘о сварливом, бранчливом человеке’ и ‘о лживом обманщике’, сочетания *собачье мясо* – ‘о ком-либо никуда не годном’ и *собачий хвост* – ‘о клеветнике, сплетнике’, *собачья натура* – ‘о злопамятном человеке’, *собачья совесть* – ‘о бессовестном человеке’ [СРНГ39, 2005: 142]. Мы увидим, что атрибутивные признаки в русском разговорном языке широко используются для создания экспрессивных устойчивых выражений с переносным значением, характеризующим человека. Таким образом, метафорическая модель СОБАКА – ЧЕЛОВЕК имеет широкое распространение в русском и китайском языках, раскрывая различные смысловые грани, часть из которых может адекватно восприниматься в чужом языке, как например, *собачий нюх*, *собачья работа*, а часть имеет затемненную мотивацию, понятную только носителям языка. Многие выражения связаны с особенностями менталитета, традиций, верований.

Поиск семантических универсалий должен осуществляться на основе большого количества различного языкового материала из исторических, литературных, диалектных и других словарей. Тогда мы можем увидеть реальные, а не видимые сближения, увидеть скрытые семантические связи, параллельное развитие одних и тех же семантических моделей в разных языках.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
2. *Вэн Юйсян.* Моя жизнь. – Шанхай, 2003.
3. *Колосько Е. В.* Метафорическая лексика в русских народных говорах: На материале субстантивной антропоцентрической метафоры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. 18 с.

Источники

1. СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд. Вып. 1–46, СПб, 2002–2015.
2. СРЯ – Словарь русского языка. Т. I, II. Москва: Русский язык, 1981–1982.

Красина Елена Александровна

Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
Elena_krassina@mail.ru

МНОГОМЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОСТОГО РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение рассматривается как семиотическая и одновременно предикативная единица языка, структура и семантика которой обусловлены моделью и номинативной характеристикой с учетом логико-семантического типа предложения. Получая трехуровневое описание – семиотическое, структурное и семантическое, которое дополняется коммуникативной характеристикой, предложение становится многомерной единицей. Предлагаемый подход позволяет выстроить новую иерархию или парадигму простого предложения в русском языке – языке SVO типа.

Ключевые слова: семиотическая единица, предикативность, логико-семантический тип, многомерный, иерархия, парадигма.

«Всякое высказывание мысли с помощью языка обусловлено логически, психологически и лингвистически. Эти три аспекта лишь отчасти перекрывают друг друга; роль, которую выполняет каждый из них, крайне изменчива и весьма различным образом осознается при претворении в речи», – писал в середине XX в. Ш. Балли [Балли 2001: 43].

Рассматривая предложение как абстрактную виртуальную единицу языка, а высказывание как её реализацию, как динамический вариант предложения, т. е. как единицу речевой деятельности, представители Пражской школы утверждали, что именно трехмерный подход к описанию и исследованию в сфере синтаксиса способен обеспечить объективное представление языкового синтаксического континуума и его единиц. В частности Фр. Данеш выделяет такие три уровня описания:

- 1) уровень грамматической структуры предложения;
- 2) уровень семантической структуры предложения;
- 3) уровень организации высказывания [Fr. Daneš 1966: 225].

Очевидно, что эти три уровня напрямую коррелируют с тремя семиотическими отношениями или функциями: синтактикой, семантикой и прагматикой, по Ч. Пирсу и др., а каждый из уровней «подчиняется», хотя и в различной степени, логической, психологической и собственно лингвистической парадигмам описания предложения, выстраивая их взаимодействие на основе функциональной эквивалентности, по Ш. Балли [Балли 2001: 43 и сл.].

Если синтактика представлена структурными схемами, синтаксическими моделями и в языках SVO обеспечена широким спектром морфологических форм и категорий, то семантика реализуется либо как номинативный минимум предложения, либо как система логико-семантических типов предложения. Обе составляющие синтаксической семантики опираются на формальные, конструктивные особенности предложения и на его грамматическое значение – предикативность, которое в зависимости от выраженности/невыраженности предиката-сказуемого и от собственно языковых способов его выражения реализуется уже в самой схеме и даже в поверхностной структуре предложения, либо обнаруживается в парадигме предложения, при построении системы форм с опорой на значения синтаксического времени и объективной модальности, формирующих предикативность как грамматическое значение, сравните: *Дети любят сладкое.* – *Люблю грозу в начале мая* (Ф. Тютчев). – *Беда! Беда!* Опять проговорюсь. (Ф. Достоевский) – [пример А. А. Шахматова. Шахматов 2014 : 56].

Если в подлежащно-сказуемом предложении модели $N_1 - V_{fin}$ сказуемое в полной мере реализует грамматическую семантику, то односоставное определенно-личное предложение (здесь уже есть и другие компоненты семантики предложения) требует своеобразной реконструкции, построения парадигмы, которая оказывается

одночленной, хотя предикативность снова представлена формой глагола V_{fin} . Наконец, именная схема N_1 , независимо от экспрессии, организует свою парадигму посредством связки «быть» и выявляет семантику экзистенциальности, бытийности: S_{exist} [Шведова, 1973].

Номинативная основа предложения опирается на его номинативный минимум, который включает компоненты предикативной основы и некоторые её распространители с сильной непредикативной подчинительной связью, типа беспредложное глагольное управление (в предложении – прямое дополнение), при этом, по В. А. Белошапковой, такая связь оказывается и предсказующей, и обязательной [Белошапкова 1977: 26–29]. Заметим, что авторы Русской грамматики [Praha, Academia, 1979, v.2] расширяют понятие структурной схемы до синтаксической модели-номинативно-структурного минимума.

Тем не менее, семантика предложения не исчерпывается семантикой предикативности. Существенным оказывается логическое, понятийное содержание, которое сводимо к четырем типам логических отношений: отношениям **экзистенции** (бытийный тип: *В городе есть кинотеатр*), **характеризации** (характеризующий тип: *Эта задача грандиозна*); **номинации** (номинативный тип: *Это дом*) и **идентификации** (идентифицирующий тип: *Роза – это цветок*) [Арутюнова 2013: 18–20]. Помимо «новой» структуры, теперь уже явно обремененной смыслом, например, «область бытия – факт бытия – бытующий объект» для бытийных предложений, существуют и общие семантические параметры, на фоне которых возникают и новые смысловые отношения. Так, бытующий объект абсолютно коррелирует с бытующим субъектом, сравните: *В некотором царстве, в некотором государстве* (область бытия) *жил-был* (факт бытия) *царь* (бытующий субъект). Для предложений-высказываний *С женщиной плохо / Женщине плохо / У женщины обморок* сложно разграничить обозначения бытующего объекта/субъекта и области бытия: они синкретичны. Естественно возникает вопрос об эксплицированных / имплицированных смыслах, и далее – о возможности / невозможности инверсии и лексических ограничениях. Таким образом, семантизированная структура предполагает обращение к модусно-диктумной организации, а предложение обретает коммуникативный ракурс и требует синтезированного анализа, включающего высказывание. Иными словами, предложение как системно-структурное образование, как виртуальная единица обращается к речи, к речевой деятельности и непосредственно выводит на поверхность высказывание.

Представляется, что методически оправдано и закономерно появление коммуникативно-синтаксической схемы предложения [Крылова 2009], которая опирается на понятие структурной схемы, её состав, структурно-семантическую характеристики раздельно/слитнопредикативности и, наконец, актуальное членение предложения. Тогда предложения бытийного типа предстанут в коммуникативном аспекте как нерасчлененные или расчлененные, в зависимости от наличия/отсутствия обозначения области бытия, как правило, выраженной детерминантом, сравните:

1) *Шел дождь*: $V_{fin} + N_1^1 //$ Ск. + П – слитнопредикативность; T_0 – лексически не выражена, R – весь состав предложения, или: $V_{fin} + N_1 = R$; предложение коммуникативно не расчлененное.

2) *С утра шел дождь*: $V_{fin} + N_1 //$ Д – Ск. + П – появление детерминанта как внешней характеристики структурной схемы при сохранении словопорядка меняет его семантику (теперь область бытия выражена), а тема-рематическое членение представлено обоими компонентами: $D = T$; $R = V_{fin} + N_1$; предложение коммуникативно расчлененное.

Очевидно, что обращение к модусно-диктумной организации предложения все более выводит его на уровень явления: предложение представлено высказыванием, а высказывание опирается на предложение как на внутреннюю форму, иными словами, предложение предстает как форма содержания, а высказывание – как форма выражения в знаковой функции солидарности, по Л. Ельмслеву. Семантика предложения усложняется за счет включения коммуникативного ракурса, фактически же – с учетом позиции говорящего, что и формирует этот коммуникативный ракурс, т.е. за счет прагматики.

Таким образом, семиотический уровень анализа предложения предполагает учет всех трех типов семиотических отношений, а собственно языковой и лингвистический аспекты опираются преимущественно на языковые категории и формы, обеспечивающие взаимодействие формы и содержания предложения как виртуальной единицы.

Новая парадигма, новая иерархия простого предложения языков SVO – индоевропейских языков, в первую очередь, и русского языка, в частности, является семиотической, а сами языки предстают как системы, в которых в сфере синтаксического континуума реализуются отношения функциональной эквивалентности, по своей природе отношения ассоциативные. Единицы синтаксического континуума

¹ Словопорядковый вариант схемы $N_1 - V_{fin}$, который меняет коммуникативный и семантический ракурс предложения-высказывания.

нуума – предложение и высказывание (сложные знаки) оказываются многомерными.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 384 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
4. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.
5. Русская грамматика. – Praha, Academia, 1979. V.2. Синтаксис. С. 667–1092.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2014. 720 с.
7. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения: Доклад на VII Международном съезде славистов // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – Варшава, август 1973: доклады советской делегации. – М.: Наука, 1973. С.458–483.
8. Daneš Fr. A Three-Level Approach to Syntax // Travaux linguistiques de Prague. 1. Prague, Academia éditions de l'Académie tchécoslovaque des sciences. – Prague, 1966.

Крюкова Ксения Сергеевна

Костромской государственной университет
имени Н. А. Некрасова
г. Кострома, Россия
krukovaksenia@gmail.com

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ В ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ПОСЛОВИЦЫ *ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ ВОДА НЕ ТЕЧЁТ* (на материале текстов Интернет-публицистики)

В статье рассматриваются окказиональные варианты пословицы *под лежащий камень вода не течёт*, трансформируемой авторами с целью конкретизации значения. Определяющим для достижения конкретизации значения пословицы в разных контекстах является внутренняя оппозиция элемен-

тов значения и соотносящихся с ними компонентов пословицы. Выделяются группы окказиональных компонентов, замещающих языковые компоненты пословицы на основе парадигматических и ассоциативных связей слов.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, русские пословицы, окказиональные трансформации, конкретизация значения, окказиональные варианты пословицы.

Фразеологизмы и поговорки отражают особенности ментальности народа, их создавшего. В русских пословицах (далее РП) афористично высказываются умозаключения, оценочные суждения говорящих в отношении различных жизненных ситуаций. Часто типичные ситуации, в которых обычно употребляется пословица, имеют особенности, и авторы речи прибегают к преобразованию пословиц, чтобы сделать поговорки более точными, яркими средствами выражения мысли. Трансформации относительно устойчивых знаков обусловлены авторскими интенциями: стремлением авторов к конкретизации, экспликации, экспрессивизации, интенсификации и буквализации значения трансформированных единиц [Третьякова 2011: 44]. Анализ окказиональных вариантов РП показал, что нередко трансформации вызваны стремлением авторов к конкретизации значения пословицы. При конкретизации значения поговорка «вписывается» в характеристику конкретной жизненной ситуации, уточняя, конкретизируя лицо, предмет, признак, время, место.

Окказиональные варианты РП, созданные с целью конкретизации авторской мысли, в текстах современной Интернет-публицистики представлены достаточно широко. Объектом настоящего исследования выбрана пословица *под лежащий камень вода не течёт* и триста её окказиональных вариантов.

Данная РП обладает значением ‘если ничего не предпринять, дело не сдвинется с места, ничего не изменится’, ‘если быть бездеятельным, инертным, ленивым, то ни одно дело не сдвинется с места’. Пословица обычно употребляется в типизированной ситуации, когда человек бездеятелен, пассивен, не может позаботиться о себе, решить собственные проблемы. Особенностью пословицы является внутренняя оппозиция компонентов *камень* и *вода*. (Следует заметить, что оппозиция компонентов свойственна многим пословицам, на что указывал Г. Пермяков [Пермяков 1988: 124]). *Камень* в пословице выступает в качестве символа, наделённого такими характеристиками, как ‘тяжесть’, ‘неподъёмность’ (см. схожее воспри-

ятие камня во фразеологизмах *камень на душе (сердце) лежит, камень на шее*), ассоциативно соотносится с семами 'лень', 'бездеятельность', 'апатия', 'инерция'. Компонент *вода*, напротив, ассоциируется в пословице с неким активным действием или с предметом, находящимся в движении; внутренняя форма актуализирует семы 'движение', 'деятельность', 'течение', 'процесс'. На столкновении значений слов-компонентов *камень* и *вода* формируется большое количество окказиональных вариантов пословицы, созданных для конкретизации авторской мысли.

Для конкретизации значения данной оппозиции авторами чаще всего используется приём окказиональной замены компонентов пословицы. Окказиональные компоненты-заместители, включаемые в состав пословицы, проявляют связь с замещаемым компонентом; при этом компонент пословицы и замещающий его окказиональный компонент могут находиться в отношениях гиперо-гипонимических, синонимических, антонимических, входить в одну тематическую группу, также могут актуализироваться ассоциативные связи слов.

Рассмотрим особенности конкретизации значения посредством включения в её состав окказиональных компонентов, замещающих оппозиты *камень – вода*.

1. Субстантивный компонент *камень*.

Образ камня как символа, который связан в сознании носителя русского языка с предметом твёрдым, плотным, тяжёлым, не поддающимся разрушению, ассоциируется с неподвижным, инертным, неподъёмным человеком. Компонент пословицы *камень* реализует семы 'неподъёмность', 'лень', 'бездеятельность', 'апатия', 'инерция'. Окказиональными компонентами-заместителями выступают слова, называющие лицо или объект, способный сознательно отказываться от какой-либо активной деятельности, избегать её.

1.1. Окказиональные заместители-конкретизаторы, называющие человека, который в конкретной ситуации проявляет себя инертным, ленивым: *инноватор, мастер, бомж, алкоголик, народ, студент, пионер, мужик, пенсионер* и т. д. Интересно отметить, что в рамках данной замены не выявлено ни одного компонента-заместителя, являющегося именем существительным женского рода; все обнаруженные в ходе исследования компоненты-заместители являются либо нарицательными именами существительными мужского рода, либо собственными именами существительными, указы-

вающими на представителей мужского пола. Данная группа слов – окказиональных заместителей – может быть дифференцирована на подгруппы: существительные, обозначающие представителей какой-либо профессии; существительные, именующие военнослужащих; собственные имена существительные, называющие конкретную личность; имена существительные, называющие персонаж художественного произведения.

1.1.1. Окказиональные заместители-конкретизаторы, называющие какую-либо профессию: *под лежащего **прокурора** деньги не текут; под лежащего **мента** и вода не течёт; под лежащего **прораба** коньяк не течёт; под лежащего **репортёра** сюжет не течёт; под лежащего **чиновника** нефть не потечёт*. См., например, вариант пословицы *под лежащего **менеджера** и деньги не текут*, выступающий в качестве вывода в комментарии о внутрикорпоративной активности сотрудников, которую, по мнению автора, необходимо всегда стимулировать для того, чтобы добиваться успехов независимо от динамики рынка. Автор конкретизирует значение пословицы, ассоциативно соединяя *камень* и *менеджера*, актуализируя компоненты значения ‘лень’, ‘пассивность’, ‘бездеятельность’, свойственные менеджерам в ситуации, описываемой в статье.

1.1.2. Большую группу формируют окказиональные заместители-конкретизаторы, называющие военнослужащих: *под лежащего **лейтенанта** коньяк не течёт; под лежащего **офицера** пошло не течёт; под лежащего **прапора** и водка не течёт; под лежащего **гусара** коньяк не течёт; под лежащего **морпеха** водка не течёт*. См., например, вариант РП *под лежащего **офицера** коньяк не течёт*, функционирующий в статье об обсуждении выплаты пенсионных накоплений военным: «Добиваться надо не только пересчёта пенсии на будущее, но и компенсации за прошедшее время – *под лежащего офицера коньяк не течёт*», где в значении компонента *офицер* на первый план выходят семы ‘бездеятельность’, ‘пассивность’.

1.1.3. Окказиональные заместители-конкретизаторы, называющие человека, являющиеся собственными именами существительными: *под лежащего **Чаяя** Урал не течёт; под лежащего **Гитлера** вода не течёт; под лежащего **Будду** вода не течёт*. См., например, вариант РП *под лежащего **Карпина*** (фамилия футбольного тренера) *вода не течёт*, выступающий в качестве вывода к комментарию о тренере юношеской команды «Спартак», не пропускающе-

го, по мнению автора, хороших игроков в основной состав команды. Автор осуждает безынициативность Валерия Карпина и сравнивает тренера с камнем, под который не может «просочиться» талант начинающих футболистов. Таким образом, автор присваивает нерадивому тренеру свойства камня, наделяет слово семами 'инерция', 'бездеятельность' и конкретизирует значение пословицы, осуществляя замену *камень – Карпин*.

1.1.4. Окаzionaliальные заместители-конкретизаторы, называющие какой-либо персонаж: *под лежащего Шикамару и вода не течёт; под лежащего Левиафана вода не течёт*. См., например, вариант пословицы *под лежащего джедая Сила не течёт*, выступающий в качестве заголовка к обзору видеоигры. На одном из участков игрового процесса главному герою, джедаю, для получения дополнительных очков так называемой Силы необходимо выполнить серию прыжков, после чего герой может претендовать на наивысший игровой показатель. Следовательно, если персонаж будет пассивен, то есть не станет искать в игре скрытых возможностей, он не сможет получить максимально возможное количество очков по результатам прохождения игры. С точки зрения автора, действия нелюбопытствующего, пассивного персонажа можно сравнить с бездействием лежащего камня, что позволяет осуществить замену *камень – джедай*.

1.2. Компонент *камень* актуализирует сему 'лень', свойственную как людям, так и животным.

Конкретизация может осуществляться посредством компонентов-заместителей с семой 'животное': *под лежащего коты вода не течёт; под лежащего бобра вода не течёт, под лежащего мишку вода не течёт*. См., например, вариант пословицы *под лежащего коня Демерджи* (название горы) *не течёт*, выступающий в качестве заголовка статьи о конном туризме в Крыму. Автор статьи решил воспользоваться услугами конного клуба для прогулки верхом по горному массиву, однако арендованная лошадь оказалась малоподвижной, ленивой и отказалась карабкаться по горам. Таким образом, осуществляя замену компонентов *камень-конь*, автор статьи конкретизирует значение пословицы с помощью актуализации сем 'лень', 'неподъемность', называющих черты, свойственные животному.

1.3 Окаzionaliальные заместители-конкретизаторы, называющие какой-либо предмет или явление, являющиеся неодоушевлёнными

ми нарицательными существительным, в конкретной ситуации обозначающие что-либо неподъёмное, инертное. См. замены *под лежащий бизнес инвестиции не текут; под лежащие деньги доход не течёт; под лежащий зад шампанское не течёт; под лежащий мотоцикл тюнинг не течёт; под лежащий видеоролик просмотры не текут; под лежащий жир и вода с содой не течёт*. Последний вариант поговорки является заголовком статьи о популярном в Интернете способе похудеть с помощью пищевой соды. Автор развенчивает миф об эффективности данного средства в борьбе с лишним весом, укоряет людей, желающих худеть с помощью средств «народной медицины», а не благодаря спортивным нагрузкам.

2. Субстантивный компонент *вода*.

Компонент *вода* реализует в поговорке семы ‘движение’, ‘деятельность’, ‘течение’, ‘процесс’. Компонентами-заместителями выступают слова, называющие лицо, предмет или объект, обладающий определённым потенциалом к движению, к изменениям.

2.1. Окаzionaliальные заместители-конкретизаторы, входящие в тематическую группу «Жидкость»: *молоко, кофе, кумыс, нектар, жидкость, мазут, река, антифриз, компот, портвейн, виски, самогон, коньяк*. См., например, вариант РП *под лежащий камень молоко не течёт*, являющийся заголовком статьи об упадке в области сельскохозяйственной политики России на примере неэффективной эксплуатации молокозаводов. В данном трансформе компонент *камень* выступает символом власти, а окаzionaliальный компонент-заместитель *молоко* конкретизирует мысль автора, указывает на конкретную отрасль народного хозяйства, в которой публицист видит множество нерешённых проблем.

2.2. Компонент *вода* актуализирует сему ‘движение’, свойственную не только различного рода жидкостям, но и твёрдым предметам или абстрактным сущностям, например, финансам, деньгам. Конкретизация в данном случае будет осуществляться посредством компонентов-заместителей с семой ‘деньги’: *зарплата, инвестиции, миллионы, кредит, доход, бюджет, бабло, грант*. См., например, вариант РП *под лежащий бизнес инвестиции не текут*, являющийся заголовком статьи о государственной поддержке малого бизнеса, в которой автор указывает на то, что предпринимателям следует в большей степени проявлять собственную инициативу, а не надеяться только на государственные инвестиции, которые рано или поздно закончатся. В целях конкретизации данного замысла автор произво-

дит замену компонентов, указывая предпринимателям на опасность остаться без финансовых вливаний.

2.3. Компоненты-заместители, называющие состояния, абстрактные сущности: *слава, энергия, газ, трафик, любовь, тепло, работа, интернет*. См., например, вариант пословицы *под лежащий сайт трафик не течёт*, встречающийся в тексте статьи о закрытии Интернет-газеты: «Сегодня у “Открытого контакта” [название газеты] по-прежнему есть неплохая база, технологический задел как портала, неплохая структура. Но, опять же, нужна проактивность – *под лежащий сайт трафик не течёт*». По мнению автора, группа журналистов, работающая в Интернет-издании, была недостаточно инициативной, что спровоцировало отток сетевого трафика, т.е. поток пользователей, количество посещений сайта потенциальными читателями.

В ходе исследования было выявлено, что данная пословица и её окказиональные варианты, созданные с целью конкретизации значения, функционируют в речи (текстах) «продвинутых» компьютерных пользователей, общающихся на специфическом Интернет-сленге: *под лежащий армори вода не течет* (имеется в виду оружейная в компьютерной игре), *под лежащий паррлей фарм не течет* (паррлей – оружие; фарм – сбор ресурсов), *под лежащий контент линк-джус не течёт* (линк-джус – поток пользователей).

Исследование пословицы *под лежащий камень вода не течёт*, функционирующей в виде многочисленных речевых вариантов, является показателем высокой активности трансформационных процессов в среде Интернет-публицистики.

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
2. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок – М.: Русский язык, 2000. 544 с.
3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.
4. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. 236 с.
5. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология: монография / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

Кудрявцева Елена Владимировна
Костромской государственной университет
им. Н.А. Некрасова
г. Кострома, Россия
lengoreva@yandex.ru

СТАРАЯ КЛЯЧА В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ (ОТ СЛОВАРЯ В. И. ДАЛЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Исследование посвящено анализу лексемы «кляча» в словаре В. И. Даля и фразеологизма «старая кляча»: выявляется сходство и различие денотатов, а также преобразовательный потенциал фразеологизма с данным компонентом-зоонимом.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональные преобразования, окказиональная фразеология, преобразовательный потенциал.

Каждое слово проживает свою жизнь. Процесс появления и исчезновения лексемы порой отследить невозможно. Тем не менее очень увлекательной может показаться ее жизнь, то есть становление единицы языка, ее изменение на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях в парадигме времени. Отправной точкой в таком исследовании может служить «Голковский словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Словарь является надежным источником, зафиксировавшим около 200 тысяч лексических единиц, которые широко использовались русским народом в середине XIX века. Большая часть слов, приведенных в словаре В. И. Даля, входит в состав современного русского языка. Одной из таких лексем является *кляча*, которая в XXI веке расширила свое значение.

Целью данного исследования является анализ слова *кляча* в динамике его развития в русском языке, а также описание фразеологической единицы *старая кляча*, функционирующей в современной речи в различных формах.

Слово *кляча* зафиксировано в Словаре В. И. Даля и имеет следующие значения: 1. 'Плохая, изнуренная лошадь'. 2. *зап. польск.* 'кобыла'. Лексема *кляча* широко употреблялась в разговорной речи для характеристики лошади; с этими же целями слово *кляча* функционирует в художественном тексте – в стихотворении Н. А. Некрасова «Утро»: «*Эта кляча с крестьянином пьяным, / Через силу бе-*

гущая вскачь / В даль, сокрытую синим туманом, / Это мутное небо... Хоть плачь!!!».

С течением времени произошло расширение значения лексемы *кляча*, и в современном русском литературном языке слово *кляча* употребляется и как метафорическая характеристика человека. См. зафиксированное в Толковом словаре русского языка (под редакцией Д. Н. Ушакова) слово *кляча*: 1. 'тощая, слабая, больная лошадь'. 2. перен. 'усталый, изнуренный, физически слабый человек'. В толковых словарях начала – середины XX века не зафиксировано переносное значение слова *кляча*, характеризующее человека (см. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1949); Малый академический словарь (1981–1984)).

В современном русском литературном языке, наряду с лексемой *кляча*, активно функционирует словосочетание *старая кляча*, имеющее значение 'изнуренная женщина'. Однако в основных фразеологических словарях, составленных в XX веке (М. И. Михельсон, А. И. Федоров, А. И. Молотков), это сочетание слов как устойчивая воспроизводимая единица не зафиксировано. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова данное словосочетание встречается в иллюстративной части словарной статьи к слову «*кляча*»: 1. 'Плохая, заморенная лошадь'. 2. *Разг.-сниж.* 'О пожилой, измученной женщине'. *Старая к.! Превратится в клячу раньше времени.*

В конце XX – начале XXI века словосочетание *старая кляча* все чаще стало употребляться в разговорной речи и в результате устойчивой воспроизводимости приобрело статус фразеологизма. Так, на запрос *старая кляча* поисковая система Яндекс выдает более 150 тысяч употреблений данного сочетания слов. Можно с большой долей уверенности предположить, что распространение исследуемого словосочетания как устойчивого в речи носителей языка связано с выходом на экран в 1999 году фильма Э. Рязанова «Старые клячи».

Фразеологизм *старая кляча* зафиксирован в словаре «Русское культурное пространство», где дается лингвокультурологический комментарий: *старая кляча* – «непривлекательная, усталая женщина; может предполагаться, что она не способна выполнять какую-либо работу; изначально – старая лошадь, не способная к производству потомства» [Брилева 2004: 119]. Данный фразеологический оборот называет преимущественно женщин в зрелом возрасте.

Исследуемая фразеологическая единица (далее ФЕ) достаточно частотна в употреблении в художественных, публицистических

текстах, в разговорной речи. Можно встретить фразеологизм как в узуальном, так и в окказиональном виде. Примером узуального использования ФЕ может быть название стихотворения Юлии Вольт «*Старая кляча*», а также комментариев к фильму: «*От пожилой Шэрон Стоун остались только ровные красивые зубы, во всём остальном – это невзрачная потасканная старая кляча*» [tvсok.ru]Мул]; вопрос на форуме: «*Что делать если соседка, старая кляча, жить мешаает?*» [<http://irc.lv/>]

В публицистических и художественных текстах, в разговорной речи ФЕ также подвергается преобразованиям по типичным моделям, что связано с её грамматическим строением. ФЕ образована по модели «прилагательное + существительное», где грамматически опорный компонент – имя существительное. Наиболее распространенными приемами трансформации являются приемы замены компонентов, расширения компонентного состава и контаминация. Трансформации производятся в целях конкретизации, экспликации, интенсификации, экспрессивизации значения, буквализации значения и образа [Третьякова 2011: 152–165].

1. Замена компонентов фразеологизма.

Этот вид трансформации происходит в рамках слов одной тематической группы [Диброва 1979: 59]. Лексема *кляча* относится к тематической группе ‘домашние животные’, к подгруппе ‘лошадь’. В эту тематическую группу входят слова: *ослица, корова, лошадь, кобыла*. Перечисленные варианты гипотетически могли бы стать потенциальными заменителями. Однако такие замены кажутся маловероятными. Несмотря на то, что заместители-конкретизаторы содержат в своем значении сему ‘работа’, в них отсутствует элемент значения ‘изнуренный, усталый’, доминирующий в значении фразеологизма. Роль смыслового центра выполняет слово *кляча*, следовательно, его замена приведет к утрате доминирующего смысла и дефразеологизации. Экспликация значения ФЕ происходит при замене компонента *кляча* словами, эксплицирующими семы денотативного значения: *женщина, баба, старуха*. Такие варианты замещения также представляются невозможными по причине потери во фразеологическом значении семы ‘изнуренный’; подобные замены приведут к дефразеологизации (**старая женщина, *старая старуха, *старая баба*). Таким образом, можно говорить о том, что любые замены компонента *кляча* невозможны по причине его смысловой опорности. Фразеологизм перестает существовать при замене его опорного компонента.

Вторую группу заместителей составляют слова, замещающие адъективный компонент фразеологизма. При замене компонента *старая* ФЕ не теряет своего значения и даже, наоборот, приобретает новые оттенки. Окказиональные компоненты-конкретизаторы, заменяющие компонент *старая*, могут характеризовать лицо относительно его возраста: *сорокалетняя кляча*. Авторские интенции в окказиональных вариантах фразеологизма направлены на конкретизацию возраста: «... *будет тянуться к этой сорокалетней кляче*». [Взрослые и дети. <http://www.proza.ru/2011/04/10/195>].

К другой группе заместителей-конкретизаторов относятся лексемы, актуализирующие в значении ФЕ сему 'работа': «*Была рабочей клячей, / несла венец безбрачия. / Выносливой была. / Работою загружена, / куда ей ещё мужа-то? / Какая там жена? //*» [Татьяна Турбина, *Была рабочей клячей*...].

Окказиональными заместителями-интенсификаторами выступают слова-синонимы, способные передать признак с большей степенью интенсификации экспрессивного плана [Третьякова 2011: 231]: «*Призадумалась как-то мучача, / Выпив на ночь текилы и чачи: / «Отчего каждый мнит себя мачо, / Даже став престарелой клячей? //*» [форум <http://www.trofim.com>]. В данном примере заместитель *престарелая* увеличивает степень признака, выраженного семой 'старость'.

2. Расширение компонентного состава фразеологизма.

Расширение компонентного состава фразеологизма происходит посредством прибавления к обоим компонентам ФЕ окказиональных компонентов-расширителей, которыми выступают прилагательные, причастия и существительные, характеризующие лицо относительно какой-либо ситуации. Например, в целях интенсификации значения в следующем контексте в состав фразеологизма вводится прилагательное *высохший* (наряду с конкретизатором *сорокалетний*). Компонент-расширитель *высохшая* эксплицирует степень выраженности качества: «...*вздрагивала при малейшем шуме, а по приближении Лемерля краснела и заикалась, как юная отроковица, хотя сама она – высохшая сорокалетняя кляча, в жизни своей не знавшая мужчин*» [Джоанн Харрис «Блаженные шуты»]. В другом примере авторские интенции также направлены на увеличение степени выраженности признака 'старость'. В качестве расширителя-интенсификатора используется повторение компонента *старый*: «*Я старая-старая кляча, / Уставши от жизни своей, / Бреду, запинаясь и*

плача. / Прохожий, меня пожалей! //» [Наталья Зорина. Стихотворение «Я старая-старая кляча...»]

3. Контаминация.

Фразеологизм *старая кляча* может быть трансформирован с использованием приема контаминации. При таком преобразовании фразеологизм объединяется с другим фразеологизмом, содержащим в своем составе компонент из одной тематической подгруппы 'лошадь': «*Старая кляча борозды не испортит*» – название статьи про Майкла Джексона [<http://www.sutki.net/>]. Окаzionaleльный вариант возник в результате перекрестной контаминации ФЕ *старая кляча* и фразеологизма *старый конь борозды не испортит*.

Фразеологизм *старая кляча*, имеющий истоком лексему *кляча*, которую В. И. Даль в XIX веке зафиксировал как элемент разговорной речи, к началу XXI века расширил свое значение, трансформировался в устойчивое словосочетание *старая кляча* и активно функционирует как в узуальном, так и в окаzionaleльном виде.

Литература

1. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. 318 с.
2. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов на/Д.: изд-во РГУ, 1979. 292 с.
3. Третьякова И. Ю. Окаzionaleльная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

Источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. URL: <http://slovari.yandex.ru/>.
2. Кузнецов С. А. Толковый словарь. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/>
3. Малый академический словарь. В 4 т. Институт русского языка Академии наук СССР. URL: <http://enc-dic.com/academic/>
4. Михельсон М. И. Толково-фразеологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/michelson/Frazeologija-11359/>
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/>
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. URL: <http://enc-dic.com/ushakov/>
7. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <http://phraseology.academic.ru/>
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Астрель, 2006. 524 с.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВОСПРИЯТИЕ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются лексические единицы семантического поля зрительного восприятия с целью выявления его структурной организации и отношений между единицами. Показывается, что в данное поле входят слова разных частей речи – существительные, глаголы, прилагательные. Особенности соотношения слов внутри поля определяются, с одной стороны, наличием общего, сходного в их семантике, с другой – лексико-грамматическими свойствами самих слов. Это указывает на то, что понятийное содержание данного семантического поля выражается по-разному.

Ключевые слова: семантическое поле, сема, микрополе, восприятие, структура, парадигма, отношение, чувство.

Понятие семантического поля стало одним из базовых понятий современной лексической семантики. Оно вбирает в себя ключевые проблемы лексической семантики и определяет их системное рассмотрение. При полевом описании поля разные типы отношений, существующие между единицами словарного состава языка, анализируются не изолированно друг от друга, а в общей системе и в совокупности всех лексико-семантических связей. Ю. Н. Караулов пишет о необходимости разделения различных сфер словарного состава на семантические поля (например, поле «радость»); лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»); тематические группы (например, «наименования птиц»); синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый»); ономаσιологические группы (например, выражение понятия «время» существительными в русском языке) [Караулов, 1976: 314].

Для нашего исследования важны также следующие принятые в науке положения:

1) семантические поля представляют собой системные образования с характерными для них связями и отношениями и вместе с тем они обладают собственными специфическими чертами [Попова 2014:

4]; 2) объектом рассмотрения при полевом подходе могут быть комплексы разноуровневых языковых средств, выполняющих сходные семантические функции, что дает возможность представления этих комплексов не только как парадигматических, синтагматических, ассоциативных, но и понятийных, морфосемантических, функционально-семантических и других видов полей; 3) единицы лексико-семантического поля объединены таким образом, что представляют собой иерархическую структуру, организованную во взаимосвязанные семантические пространства, семантические сети, соотносимые с определенными концептуальными сферами [Моисеева 2006].

Изучение лексической системы языка в настоящее время ориентировано на исследование уже структурированных лексико-семантических групп, лексико-семантических категорий, лексико-семантических полей. Семантическое поле отражает отдельную часть нашего мира, оно показывает смысловые особенности лексических единиц. Одним из таких семантических полей в лексической системе языка является поле «восприятие».

Семантическое поле «восприятие» является сложным образованием, в него входят пять микрополей, связанных с восприятием зрительным, слуховым, обонятельным, осязательным и вкусовым. Восприятие является непрерывной физической, психологической и умственной деятельностью человека на протяжении всей его жизнедеятельности. При этом самыми важными органами, с помощью которых информация о внешней среде доходит до мозга, считаются зрение, слух, обоняние, осязание и вкусовые ощущения. Поэтому в основе каждого из пяти идеографических полей лежат названия органов восприятия: *глаза, уши, нос, язык, кожа*, имеющие символическую ценность для носителей культуры и языка.

В данной работе мы останавливаемся на одном из микрополей – микрополе зрительного восприятия. Источниками для определения состава семантического поля восприятия и их структур в лексической системе русского языка послужили известные общие и специальные словари русского языка, в том числе и идеографические, словари синонимов, антонимов и др. (см. список литературы). Определение состава базового списка анализируемых лексических единиц с общим значением восприятия осуществлялось методом сплошной выборки: из указанных источников было выбрано более 200 единиц со значением зрительного восприятия. В микрополе зрительного восприятия входят следующие группы слов: существительные, глаголы, прилагательные и наречия.

1. Существительные. Существительным, обозначающим орган зрительного восприятия, является слово *глаз*. В данной группе отметим слова, называющие обозреваемую часть пространства, например: *вид, панорама, перспектива, горизонт, пейзаж, обзор*.

2. Глаголы. Общую способность зрительного восприятия отражает глагол *видеть*. Отсутствие способности видеть выражается в русском языке глаголом *слепнуть*. Антонимичные слову *слепнуть* значения имеют глаголы *прозреть, прозреть*.

Остальные глаголы зрительного восприятия делятся на группы и подгруппы по наличию в их значениях таких сем, как целенаправленность / нецеленаправленность, активность / пассивность, результативность / нерезультативность, каузативность / некаузативность.

Целенаправленный процесс зрительного восприятия, связанный с активным действием органов зрения, обозначается большой группой глаголов с доминантой *смотреть*.

Противопоставлением форм несовершенного вида по признаку результативности / нерезультативности группа делится на две подгруппы: в первую входят глаголы *смотреть, глядеть* и их синонимы *созерцать, любоваться, зевать* (разг.), *глазеть* (простореч.), *глядеться* (разг.), *осматриваться, оглядываться, озираться* и др. Вторую подгруппу составляют глаголы типа *взглядывать, осматривать, оглядывать, обозревать, облюбовывать*. Все эти глаголы соотносятся с семантической моделью «лицо – процесс восприятия и его результат (реальный или потенциальный) – объект восприятия». В оппозиции по семам результативности / нерезультативности многие из этих глаголов могут употребляться и как результативные, и как нерезультативные, например: *Утром он быстро осматривал все и Он долго осматривал свой дом*.

Результат целенаправленного процесса зрительного восприятия обозначают нецеленаправленные глаголы *видеть, видать* (обычно с отрицанием) и их синонимы *лицезреть, усмотреть, углядеть, рассмотреть, разглядеть, подсмотреть, подглядеть...*

В поле зрительного восприятия входит ряд семантических групп, связанных идеей доступности кого-, чего-либо для зрительного восприятия. Это синонимические группы с идентифицирующим значением ‘быть видимым, видным’. Это значение объединяют глагол *виднеться* и его синонимы *проглядывать, проглядываться* и др. Значение ‘становиться видным’ идентифицируют глаголы *показаться, завиднеться* и их синонимы *выглянуть, проглянуть, промелькнуть*. Под значением ‘делать видным’ объединяются глаголы *показывать, открывать, раскрывать, обнажать, обнаруживать* и

др. Эти значения – ‘делать видным’, ‘становиться видным’, ‘быть видным’ – противопоставлены друг другу по семам каузативности/некаузативности. Далее по значению ‘активно осуществлять процесс восприятия посредством органов чувств и мышления с целью заметить, узнать или понять кого-, что-л.’ объединяются глаголы: *смотреть, следить*, и синонимы *проследживать, наблюдать, сторожить, стеречь, караулить, подстергать, подкарауливать, приглядывать, присматривать, глядеть, поглядывать, посматривать* и др.

Рассмотренным выше глаголам активного восприятия в русском языке противопоставлены глаголы пассивного восприятия с инвариантными значениями ‘*быть заметным*’, ‘*становиться заметным*’, ‘*делать заметным*’: *замечаться, обозначаться* и т. п., а именно: *замечаться, наблюдаться, показываться*.... Противоположность значения с помощью тех же глаголов выражается сочетанием их с частицей «не» (*не замечаться, не наблюдаться* и т. д.).

3. Прилагательные. Прилагательные со значением зрительного восприятия указывают на объекты, которые можно видеть, например: прилагательное *видимый* и его синонимы: *видный, визуальный, зримый, зрительный, заметный, очевидный* и т. д. Их антонимами являются слова, характеризующие объекты, которые невозможно увидеть, например: *невидимый, мутный*...

Наши наблюдения над полем зрительного восприятия позволяют отметить следующее.

1. Слова со значением зрительного восприятия входят в более обширное семантическое поле с общим значением восприятия (наряду со словами, образующими одноуровневый с полем зрительного восприятия поля слухового восприятия, обонятельного, вкусового и т. д.

2. Поле зрительного восприятия в русском языке представлено словами, относящимися к разным частям речи. Особенности выражения семантики зрительного восприятия в границах одной части речи зависит от лексико-грамматических свойств слов, относящихся к данной части речи. Этим определяется и характер отношений между словами в группах с разной частеречной принадлежностью и дифференциация их по подгруппам внутри слов одной части речи.

3. Вместе с тем все слова семантического поля со значением зрительного восприятия объединяет не только наличие общих семантических признаков у всех слов, входящих в этот ряд, но и существование однотипных отношений (синонимических, антонимических и др.) между ними, а также разного рода соотношений, касающихся как семантики, так и сферы употребления слов, их стилисти-

ческой и эмоционально-экспрессивной окраски, историко-временной отнесенности.

4. Установление и описание отношений, существующих между словами в границах семантического поля зрительного восприятия и сопоставление этих отношений с другими одноуровневыми полями позволит определить общую структуру семантического поля восприятия, отдельных его фрагментов, а также место каждого слова в семантической группе и соотношение его с другими словами и внутри группы, и за пределами группы.

5. В семантическое поле с общим значением восприятия оказываются вовлеченными и фразеологические единицы (*не отрывать глаз, бросаться в глаза, насколько хватает глаз* и др.). Это указывает на то, что при описании семантического поля со значением восприятия должен привлекаться для исследования и фразеологический материал. Установление соотношения лексики и фразеологии в выражении тех или иных понятийных категорий в языке (в том числе и в сопоставлении с другими языками) может быть предметом специального исследования.

В заключение отметим, что в основе всех многообразных и сложных отношений, существующих между языковыми единицами и выявляемых при идеографическом (по семантическим полям) членении словарного состава языка, лежит простой принцип – соотношение в содержании и форме этих единиц сходного и разного, чем определяется место каждой единицы в системе и ее системные связи и отношения с другими единицами.

Литература

1. Васильева В. Ф. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
2. Денисенко В. Н. Семантическое поле как функция // Филологические науки. 2002. № 4. С. 44–53.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. 360 с.
4. Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-романских языках: автореф. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006. 42 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Полевая модель системы языка // Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. Изд. 4-е. – М., 2014. 176 с.

Источники

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989.

2. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т.1. М., 2003. 681 с. Т. 2. М., 2004. 702 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 2001.
4. *Шушков А. А.* Толково-понятийный словарь русского языка. М., 2003. 768 с.

Nosková Milena

Jihočeská univerzita

České Budějovice, Česká republika

noskova@pf.jcu.cz

K PROBLEMATICE SÉMANTICKÉHO VÝVOJE DANÝCH LEXIKÁLNÍCH JEDNOTEK

K проблематике семантического развития избранных лексических единиц

Словарный запас языка можно характеризовать как подсистему, единицами которой являются слова и словосочетания. Словарный запас непрерывно изменяется и развивается. В данной статье уделяется внимание, в частности, избранным неологизмам в чешском языке – новым словам, словам с новыми значениями и словам с семантическими сдвигами в своем значении.

Ключевые слова: словарный запас, семантика, неологизмы.

Slovní zásobu jazyka lze charakterizovat jako subsystem, jehož jednotkami jsou slova a slovní spojení. Vnitřním vztahům mezi jazykovými, resp. lexikálními jednotkami a širším jazykovým souvislostem se věnují další disciplíny, jako například lexikální sémantika, etymologie, onomastika, stylistika apod. Předmětem našeho zájmu je již jmenovaná lexikální sémantika, která studuje významovou stránku jazykových jednotek. Dle názoru lingvistů není jednoduché definovat lexikální význam. V podstatě lze říci, že se jedná o jazykově vyjádřený odraz pojmenovávané skutečnosti, o myšlenkový obsah vyjádřený jazykovým znakem [Slovník spisovné češtiny 2009: 527]. Rozlišují se dvě složky lexikálního významu:

1. pojmová (nacionální, kognitivní, věcná) – vyjadřuje vztah k denotátu znaku

2. pragmatická – konotace, vedlejší významové rysy lexému, například postojové, estetické, expresivní [Cvrček a kol. 2010: 70].

Současní lingvisté zastávají názor, že k jazyku patří i význam, nejen jazyková forma, a dokonce význam je formě nadřazen a podmiňuje její organizaci a strukturovanost. Výzkumem významu se zabývá sémantika lexikální [Čermák 1985: 48].

Slovní zásoba se neustále proměňuje a vyvíjí, některá slova jsou z užívání vytlačována, zastarávají, dostávají se na periferii lexikálního systému, na druhé straně vznikají nové jazykové jednotky. Tento proces je především odrazem společenského vývoje, je ovšem také způsoben vnitřním jazykovým vývojem, změnami v systému pojmenování, v slovotvorných strukturách apod. [Hauser 1980: 44]. Společným rysem všech vybraných lexikálních jednotek bude přibývání nových významů.

V tomto příspěvku se zaměříme především na neologismy, tj. nová slova, slova s novými významy či na slova se sémantickým posunem. K mnohým neologismům se dotvořila další nová odvozená slova, eventuálně užívání některých neologismů se rozšířilo i do jiných oblastí. V současné lexikologii se setkáváme s tzv. *neosémantizací*, což znamená, že ke konkrétním přibývá abstraktní význam. Tento jev souvisí především s novými realiami, s potřebou pojmenovat novou realitu, často se také jedná o přejímky.

Pokud jde o popisovaný materiál, vycházíme ze slovníku *Nová slova v češtině. Slovník neologismů* [Martincová a kol. 1998] a *Nová slova v češtině. Slovník neologismů 2* [Martincová a kol. 2004]. Tento slovník zachycuje především neologismy, tzn. nově utvořené nebo převzaté jazykové znaky, které vznikají z potřeby pojmenovat něco nového [Slovník cizích slov 2009: 551]. Vybrali jsme výrazy, které souvisejí s novými formami komunikace, s obory, jako je výpočetní technika, dobový životní styl, i životní prostředí. Vždy se nejedná o nově vzniklá slova v poslední době. Při srovnávání významů také vycházíme ze *Slovníku spisovné češtiny* [2009] a v případě přejatých lexémů z *Nového akademického slovníku cizích slov A-Ž* [2009].

Adjektivum *čitelný* má dnes tyto významy: 1. který lze přečíst [Slovník spisovné češtiny 2009: 50]; jasný, srozumitelný, průhledný: volby málo čitelné pro občany; zkušenosti beze slov, a přece čitelné; dobře čitelný politik [Slovník neologismů 1998: 59]. V případě této jednotky se projevila neosémantizace ve smyslu přibývání abstraktního významu k původnímu konkrétnímu významu.

U substantiva *adresa* najdeme následující významy: 1. údaj na dopise nebo zásilce obsahující jméno příjemce a místo dodání: napsat

adresu, zpáteční adresa, 2. údaj jména a bydliště: dát mu svou adresu, zmýlit se v adrese, 3. číslo nebo symbol odkazující na místo v paměti počítače [Slovník spisovné češtiny 2009: 16]; 1. poč. elektronický kód, který odkazuje na místo uložení či určení dat v paměti počítače: data jsou uložena v adresách, paměťová adresa, správa adres v síti, 2. poč. (v elektronické poště) údaj identifikující příjemce i odesílatele: elektronická adresa, e-mailová adresa [Slovník neologismů 1998: 25]; poč. údaj identifikující umístění webové stránky na Internetu, umožňující její vyhledání: internetová adresa, webová adresa, webovská adresa [Slovník neologismů 2 2004: 31].

Adjektivum *přátelský* má následující významy: 1. k přítel, k přátelství: přátelská dvojice, přátelský (sportovní) zápas, 2. mezi přáteli obvyklý, kamarádský: přátelské prostředí, přátelská pomoc, přátelský dopis [Slovník spisovné češtiny 2009: 320]; odpovídající požadavkům, potřebám někoho, něčeho, příznivý, kladně se projevující: ekologicky přátelský způsob využívání deštného pralesa, uživatelsky přátelské produkty, uživatelsky přátelský program [Slovník neologismů 1998: 231, 317]. Neosémantizaci lze spatřit ve vlastnosti produktu umožňující uživateli snadné a lehké užívání [Janovec 2007: 60].

Substantivum *recyklace* je definováno následujícím způsobem: tech. opětné využití, recyklování: recyklace asfaltu, betonu, recyklace jaderného paliva [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 685]. Podobnou definici tohoto lexému bez sémantického posunu najdeme též ve Slovníku neologismů: opětovné zpracování, zpracovávání použitých materiálů, výrobků apod. ve výrobním procesu k získání znovupoužitelných materiálů: recyklace papíru, recyklace umělých hmot, recyklace energií, závod na recyklaci obalů, technologie recyklace použitých baterií [Slovník neologismů 1998: 243]; nové, další využití něčeho z minulosti, něčeho starého: recyklace myšlenek vyznačujících se stále menší objemností [Slovník neologismů 2 2004: 384]. Ke konkrétnímu významu přibyl i význam abstraktní.

U substantiva *lustrace* najdeme následující vysvětlení: zjišťování osobních údajů: lustrace kandidátů pro volby, lustrace poslanců [Slovník spisovné češtiny 2009: 169]; 1. náhled do nějakého registru s cílem zjistit nějaká fakta: lustrace poslanců, 2. výsledek lustrování: zjistit pozitivní lustraci [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 492]; 1. práv. na zákonném základě prověřování osob působících ve vymezených vedoucích a veřejných funkcích: zákon o lustracích, negativní výsledek lustrace je předpokladem pro výkon státní funkce, 2. výsledek lustrace (ve významu 1): negativní lustrace, pozitivní lustrace [Slovník neologismů

1998: 146]; prověřování, prověření, kontrola něčeho (nový význam): lustrace sbírek muzeí a galerií by měla být dokončena v červnu příštího roku, poplatek za lustraci vozu hradí zájemce o vozidlo [Slovník neologismů 2 2004: 235].

U substantiva *veřejnost* nalezneme tyto významy: 1. souhrn všech jedinců určitého společenství, společnost, občané: služba veřejnosti, světová veřejnost, 2. veřejné prostředí: vystoupit na veřejnosti [Slovník spisovné češtiny 2009: 488]; určovaný člen slovního spojení mající význam okruhu osob se stejným vztahem k něčemu, např.: lékařská veřejnost, vědecká veřejnost, šachová veřejnost, uživatelská veřejnost, voličská veřejnost, podnikatelská veřejnost. Tento výraz jako člen multi-verbizovaných pojmenování se užívá velmi často. Věcný význam je vyjádřen určujícím adjektivem [Slovník neologismů 1998: 321].

Adjektivum *zelený* je charakterizováno tímto způsobem: mající barvu jako čerstvá tráva, jehličí apod.: zelené listí, zelené louky, zelené oči [Slovník spisovné češtiny 2009: 563]; jsoucí členem hnutí nebo strany s ekologickým programem: zelený politik, zelená turistika (turistika, jejíž aktivity jsou spjaty s přírodou, krajinou a venkovským prostředím), zelený most: místo, stavba (most, tunel) umožňující bezpečný přesun, migraci živočichů [Slovník neologismů 2 2004: 548-549]. V tomto případě se jedná o posunutí významu ve smyslu ohleduplný k životnímu prostředí.

Substantivum *scéna* má následující významy: 1. jeviště: divadelní scéna, 2. divadlo: malé scény, 3. divadelní, jevištní apod. výstup: alegorická scéna na plese, 4. hádka, výstup: manželské scény, ztropit scénu [Slovník spisovné češtiny 2009: 378]; 1. jeviště (divadla): vystoupit na scéně, potlesk na otevřené scéně v průběhu představení, 2. divadlo (jako instituce i jako budova): Nová scéna Národního divadla, 3. divadelní (též filmový) jevištní výstup, 4. nechutný výstup, projev, hádka, spor: trapná scéna, vyvolávat scény, 5. publ. oblast veřejného působení, její účastníci: nová tvář na hudební scéně, názorové střety politické scény [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 716]; scéna např. politická-politické síly, jejich uskupení, politika: objevit se na politické scéně [Slovník neologismů 1998: 214].

Verbum *artikulovat* představuje tyto významy: 1. pohyby mluvidel tvořit hlásky, vyslovovat: správně artikulovat hlásky, 2. zřetelně vyjadřovat: artikulovat problémy [Slovník spisovné češtiny 2009: 21]; 1. lingv. tvořit, vyslovovat hlásky: správně artikulovat, 2. vyslovit, formulovat: artikulovat myšlenku [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 76]; (z)formulovat, vyjadřovat, podat zřetelně myšlenku, názor

apod.: artikulovat požadavek, artikulovat problémy, neuměl souvisle artikulovat myšlenku, argumenty nebyly dostatečně artikulovány [Slovník neologismů 1998: 32].

V souvislosti s novými reáliemi se v 90. letech minulého století česká slovní zásoba obohacovala přejímkami z cizích jazyků. Například lze uvést lexém *image*: představa, obraz osoby, věci nebo jevu často záměrně pěstovaný s cílem získat úspěch, ekon. dobré jméno určitého výrobku, podniku, obchodní značky, psych. psychický otisk reality subjektivně přepracovaný do formy dojmu, obrazu skutečnosti [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 338]; 1. pověst, renomé: nehodilo se to k zavedené písničkářově image, reformy změnilo image strany, 2. vnější podoba něčeho: pošta změnila jen image přepážek, budování dobrého jména firmy zůstalo u image [Slovník neologismů 1998: 111-112]; vztahující se k image (pověsti, renomé), vytvářející, zabezpečující image někomu: mnoho lidí trpí tím image problémem [Slovník neologismů 2 2004: 170].

Substantivum *promotion* znamená: propagace, reklama, propagační kampaň (zvláště při uvedení nového výrobku na trh): propagace nového výrobku, propagace nové desky [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 657]; propagace (výrobku, akce apod.), propagační kampaň: sehnat peníze na masivní promotion, promotion probíhala v závěru roku [Slovník neologismů 1998: 227]; vztahující se k podpoře prodeje (nového) výrobku, služby, k tomu určený, jí se zabývající, promoční: realizovat v marketech promotion akce, promotion agentura, promotion dárek [Slovník neologismů 2 2004: 352].

V případě verba *brázdít* nalezneme ve slovníku následující významy: 1. dělat rýhy, brázdy, 2. přen. kniž. loď brázdí moře (pluje po něm), letadlo, pták brázdí vzduchem (letí) [Slovník spisovné češtiny 2009: 36]; poč. prohlížet, procházet webové stránky, surfovat po Internetu [Slovník neologismů 2 2004: 63].

I v případě substantiva *singl* lze také hovořit o sémantickém posunu. Ve Slovníku spisovné češtiny najdeme následující vysvětlení: sport. v tenisu: hra jedné dvojice, (jezdít) v singlu (při veslování): sám [Slovník spisovné češtiny 2009: 387]; 1. sport. (v tenisu) hra jedné dvojice, dvouhra, 2. (ve vodním sportu) loď pro jednu osobu, 3. hovor. malá gramofonová deska s nahrávkou jedné písně na každé straně, 4. nahrávka jedné písně, skladby [Nový akademický slovník cizích slov A-Ž 2009: 730]; kdo žije sám, osamoceně [Slovník neologismů 1998: 270].

Obsahem této stati je charakteristika vybraných lexémů, a to z hlediska současného, synchronního stavu jazyka. Lze říci, že výše

zmíněná problematika patří k jevům, které probíhaly v češtině od konce 90. let minulého století.

Literatura

1. *Cvrček V. a kol.* Mluvnice současné češtiny 1. – Praha. 2010.
2. *Daneš F. a kol.* Slovník spisovné češtiny. – Praha. 2009.
3. *Janovec L.* K projevům jazykových vývojových tendencí v současné češtině. // In Naše řeč 2, ročník 90, 2007.
4. *Karlík P. a kol.* Příruční mluvnice češtiny. – Praha. 1995.
5. *Kraus J. a kol.* Nový akademický slovník cizích slov A–Ž. – Praha. 2009.
6. *Martincová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologismů. – Praha. 1998.
7. *Martincová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologismů 2. – Praha. 2004.

Рогоза Наталья Руфовна

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
nrogoza@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ЧЕШСКО-РУССКИХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ПРЕДМЕТЫ ГАРДЕРОБА’

В статье рассматриваются виды семантических изменений, в результате которых образовались пары чешско-русских межъязыковых омонимов (конкретизация значений, расширение или сужение значений, различные переносы значений).

Ключевые слова: межъязыковая омонимия, сопоставительный анализ, переносы значений, изменение объема понятия лексем, конкретизация значений.

В аспекте проблемы тождеств и различий можно, наверное, рассматривать единицы разных уровней языка, в том числе и лексик у родственных языков, в частности межъязыковые омонимы.

Проблема диалога культур становится все более актуальной. Во многих научных исследованиях на первый план выходят вопросы межкультурной коммуникации. Межъязыковая омонимия в настоящее время – важное направление в лингвистике. Она непосред-

ственно связана с прагматикой: обучением иностранным языкам, теорией и практикой перевода, значима для практики составления двуязычных словарей.

Рассмотрим некоторые семантические особенности, характерные для чешско-русских межъязыковых омонимов со значением 'предметы гардероба'. Наименования предметов одежды входят в праславянский лексический фонд, сохранившийся в большинстве славянских языков, в том числе в чешском и русском. Обратимся к некоторым парам омонимов, для того чтобы показать наиболее характерные семантические изменения, которые привели к образованию межъязыковых омонимов, называющих предметы гардероба.

Сначала остановимся на омонимах, представляющих собой общеславянские лексемы, потом проанализируем омонимы, являющиеся заимствованиями, так как в этих двух группах омонимов наблюдаются разные виды семантических изменений, приведших к образованию межъязыковых омонимов.

Среди межъязыковых омонимов, представляющих собой общеславянские лексемы, есть пары, в которых один из компонентов образовался в результате развития переносного значения. Это относится, в частности, к паре лексем *sukně* – (*o*) *sukne*. Эти существительные являются грамматическими омонимами, так как чешской лексеме *sukně* (форма И.п. ед.ч.), употребляющейся в значении 'юбка, сарафан' [ЧРС], соответствует форма *o sukne* (форма П.п.ед.ч.) существительного *sukno*, имеющего значения: 1. Шерстяная или полушерстяная ткань с войлокообразным слоем на лицевой стороне; 2. Мн. ч. В театре матерчатые кулисы и занавесы, оформляющие сцену [МАС].

При сопоставлении чешского и русского слов выявляется общий компонент в значениях – 'связанный с одеждой'. Но в чешском языке данное слово обозначает виды одежды, в русском – материал для одежды. По данным этимологических словарей М. Фасмера и П. Я. Черных, слово *sukno* общеславянское, связано с глаголом *сучить*. Эти данные подтверждаются и при обращении к чешскому этимологическому словарю В. Махека, в котором указывается, что слово *sukně* существовало еще в старочешском языке в значении 'туника' ('длинное платье до земли') и произошло от слова *sukno* (название ткани). В значении чешского слова наблюдается метонимический перенос: наименование ткани переносится на наименование одежды, которая сделана из этой ткани.

Иной вид переноса – метафорический – наблюдается в паре омонимов *motylek* – *мотылек*. В чешском языке употребляются два омонима: I. Бабочка, мотылек; II. 1. Галстук – бабочка; 2. Спорт. Баттерфляй (стиль в плавании) [ЧРС]. В русском языке существительное *мотылёк* употребляется в следующих значениях: 1. Град. – поэт. То же, что бабочка; 2. Небольшая бабочка, огневка [МАС]. Таким образом, русское слово *мотылёк* является омонимом по отношению к чешскому существительному *motylek* в значении ‘галстук – бабочка’ и ‘баттерфляй (стиль в плавании)’.

По данным этимологических словарей М. Фасмера и В. Махека, рассматриваемые слова являются общеславянскими, восходят к одному этимону. Русское существительное *мотылёк* образовано от слова *мотыль*, называющего насекомое.

Вероятно, первоначально лексемы *motylek* и *мотылек* имели одинаковые значения, но впоследствии в чешском языке развились еще метафорические значения ‘галстук’ и ‘стиль плавания’, которых нет у русского слова. В русском языке значение ‘галстук’ возникло у другой лексемы – бабочка, а стиль плавания называется «баттерфляй» (от англ. бабочка). Русское слово *мотылек*, в отличие от чешского *motylek*, дополнительных значений не приобрело.

В нашей картотеке есть также пары омонимов, представляющих собой общеславянские лексемы, у одного из компонентов которых произошло расширение или сужение (конкретизация) значения. Такие семантические отношения характерны для пары *kroj* – *крой*. В чешском языке данное слово имеет значения: 1. Костюм; 2. Национальный наряд; 3. Покрой [ЧРС]. Русское слово *крой* имеет одно значение: действие по значению глагола *кроить*, т. е. разрезание ткани, кожи или меха на куски определенной формы и размера для изготовления одежды или обуви [МАС].

В значениях чешского и русского существительных выявляется общая сема – ‘одежда’. Только чешская лексема обозначает конкретный вид одежды, а русская – один из этапов ее изготовления.

Данное слово является общеславянским индоевропейского характера (по данным словаря П. Я. Черных и этимологического словаря В. Махека). Слово *крой* когда-то имело общую семантику (действие по глаголу *кроить*), но затем у чешской лексемы произошла конкретизация значения, а у русской сохранилась прежняя семантика.

Несколько иное семантическое изменение можно проследить в паре омонимов *rukavice* (*rukavičky*) – *рукавицы* (*рукавички*). В чешском языке слово *rukavice* имеет значения: 1. Перчатки (обычные, боксерские); 2. Рукавицы; 3. Варезки [ЧРС]. Русское существительное является однозначным, оно называет род перчаток с одним пальцем (для большого пальца руки); варезки [МАС].

Русские и чешские слова произошли от одной основы (от слова *рука*), но у чешской лексемы произошло расширение значения за счёт образования многозначности: чешское слово *rukavice* обозначает сразу несколько видов одежды.

В парах омонимов, представляющих собой заимствованные лексемы, можно наблюдать некоторые из отмеченных ранее семантических изменений (сужение, расширение, конкретизация значений). Рассмотрим пару омонимов *roba* - *роба*. Чешское слово имеет значения: 1. Нарядное дамское платье; 2. Вечерний туалет [ЧРС]. Значения русского существительного несколько иные: 1. Грубая рабочая одежда; 2. Устар. Одежда, платье [МАС].

В современном русском и современном чешском языках у слов *roba* и *роба* есть общие семы в значениях: ‘одежда’, ‘платье’. По данным этимологических словарей Н. М. Шанского и М. Фасмера, слово *роба* (одежда) заимствовано не позже начала XIX века из немецкого языка, в котором лексема *robe* восходит к французскому слову *robe* и итальянскому *roba* – «одежда».

Во французском языке существительное *roba* имеет значения: 1. Платье; 2. Халат. [ФРС]; в немецком – 1. Мантия, тога; 2. Бальное (вечернее) платье. [НРС]; в итальянском – вещи [ИРС]. Следовательно, слово *roba* является общеиндоевропейским по происхождению, так как встречается почти в одинаковых значениях во многих европейских языках разных групп (романские и славянские языки).

Слова *roba* и *роба* при заимствовании приобрели дополнительные семы и разошлись в значениях, они стали обозначать разную одежду: в чешском – нарядную одежду, в русском – грубую, рабочую одежду. Причем значения конкретизировались, стали более узкими (не ‘одежда’ вообще, а именно конкретный вид одежды). В русском языке на развитие значения у слова *роба* могла повлиять «народная этимология», так как наблюдается созвучие со словом *работа* (отсюда и значение «грубая, рабочая одежда», то

есть одежда для тяжелой работы). В чешском языке слова *práce* нет, это значение закреплено за словом *práce* ?.

Подобные изменения произошли и в паре омонимов *bota* – *бота*. В чешском языке данное слово является многозначным: 1. Ботинок, башмак (лыжный, ботинок для коньков и др.); 2. Туфля; 3. Сапог; 4. Промах, оплошность [ЧРС].

Русское существительное *бота* имеет лишь одно значение – резиновая или фетровая и т. п. обувь, обычно высокая, которую надевают поверх другой обуви в сырую или холодную погоду [франц. *bottes*] [МАС].

По данным этимологических словарей, слово *бота* является в русском языке заимствованием, оно пришло из французского языка в XIX веке, в котором имеет значения ‘ботинок’, ‘сапог’.

Таким образом, значение ‘сапог’ – общее для чешского и русского слов. При заимствовании у русского слова расширения значения не произошло. В чешском языке существительное *bota* имеет более широкий круг значений: оно используется для обозначения и других видов обуви (‘ботинок’, ‘туфля’). Отметим, что чешское слово может обозначать и нарядную обувь. Русская же лексема обозначает лишь виды обуви, защищающие от воды и грязи.

Аналогичные изменения в семантике прослеживаются и в паре омонимов *kalhotky*, *kalhoty* – *колготки*. Слово *kalhoty* имеет значения: 1. Брюки (длинные и короткие), штаны; 2. Трусы; 3. Трико; 4. Штаны – чулки, колготки. Лексема *kalhotky* является уменьшительным образованием по отношению к слову *kalhoty*, поэтому имеет те же значения.

Русское существительное *колготки* имеет одно значение – чулки, соединенные со штанами (трусами) [от чешск. *kalhoty* – штаны.] [МАС].

По данным этимологического словаря чешского языка, слово *kalhoty* произошло от итальянского *caligotte* и было заимствовано через польский язык. Затем данное слово было перешло из чешского языка в русский. При этом заимствованы были не все значения, а только одно. Произошло сужение значений слова. Вероятно, это связано с необходимостью обозначить только заимствованную реалию – колготки.

Аналогичные изменения произошли в паре омонимов *klobouk* – *клубук*. В чешском языке данное слово имеет значения: 1. Шляпа, дамская шляпка, котелок; 2. Шапка; 3. Колпак [ЧРС]. Рус-

ская лексема имеет одно значение – головной убор православных монахов в виде высокой цилиндрической шапки с покрывалом [МАС]. Общая сема чешского и русского слов – ‘головной убор’.

По данным этимологических словарей М. Фасмера и В. Махека, слово *клобук* по происхождению общеславянское, употребляется во многих славянских языках, оно попало в славянские языки из тюркских языков (тюрк. *kalpak* ‘шапка’).

Таким образом, слова *klobouk* и *клобук* имеют общее происхождение. Они произошли от одного этимона, но впоследствии их значения разошлись. В русском языке данное слово имеет специальное значение ‘знак принадлежности к монашеству’, в обыденной речи оно употребляется редко. У чешской лексем произошло расширение значения, слово *klobouk* обозначает разные виды головных уборов и употребляется достаточно широко.

Таким образом, сопоставительный анализ (с точки зрения тождества и различия) чешских и русских лексем со значением ‘предметы гардероба’ показал, что при сходстве внешних оболочек слов в их семантике наблюдаются различия. Пары омонимов общеславянского происхождения могут различаться наличием у одного из компонентов значения, возникшего в результате метафорического или метонимического переноса, а также в результате расширения или сужения значения у одного из компонентов. В парах омонимов, представляющих собой заимствованные слова, различия в семантике связаны с конкретизацией значений у обоих компонентов пар, а также с расширением или сужением значений у одного из компонентов пар омонимов.

Сопоставительный анализ помогает выявить значительное сходство чешского и русского языков на семантическом уровне. Наличие одинаковых значений свидетельствует о том, что родственные языки развивались однотипно и их народы-носители имеют во многом сходную языковую картину мира. Наличие же различий в значениях подчеркивает языковое своеобразие каждого из этих народов.

Литература

1. *Machek V. Etymologicky slovník. – Praha, 1971.*
2. Словарь русского языка. Т. I–IV. – М., 1985–1988.
3. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964. 1973.*
4. Чешско-русский словарь / под редакцией Л. В. Копецкого и Й. Филипца. – Прага, 1973.

Суворова Наталья Владимировна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
suvorova-n@mail.ru

**СЛАВЯНСКИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ
(на материале русского и польского языков)**

В данной статье описываются особенности семантики и структуры русских и польских колоронимов (цветообозначений), обозначающих основные цвета светового спектра. В результате сопоставления данных лексем выявляются их общие и специфические черты, позволяющие судить об особенностях менталитета славянских народов.

Ключевые слова: колоронимы, структура, семантика, соответствия полные и частичные, универсальные и специфические черты.

Проблема тождеств и различий является философской. Вероятно, поэтому через ее призму можно подойти к решению вопросов ряда наук, в том числе и лингвистики. На наш взгляд, сходства и отличия наиболее заметны при сопоставительном анализе лексики близкородственных языков.

Цветообозначения (колоронимы) в современных славянских языках, в частности в русском и польском, представляют собой обширную и развитую систему, начавшую формироваться еще в праиндоевропейскую эпоху и продолжающую развиваться и по сей день. В связи с этим имена прилагательные данной тематической группы в указанных языках имеют как общие, так и различные черты.

Общим для польских и русских колоронимов прежде всего является механизм образования. В ряде случаев семантика славянских цветообозначений определяется тем, какой признак положен в основу номинации. В зависимости от этого польские и русские лексемы можно объединить в следующие группы: имена, образованные от названий объектов растительного мира, от наименований камней и минералов, от названий природных явлений, от наименований крителей, от наименований продуктов питания, от названий животных и птиц, от названий тканей.

Анализ особенностей семантики и структуры русских и польских колоронимов позволил выявить различные виды соответствий в

каждой из указанных групп: полные и частичные. Под полными соответствиями мы понимаем польские и русские слова, тождественные по звучанию и значению. При этом допускаются некоторые различия в звуковой оболочке, объясняющиеся закономерностями фонологической системы русского и польского языков. Частичные соответствия представлены двумя подвидами. Первый включает слова, совпадающие по звучанию и значению, но различающиеся по структуре. Данные имена имеют общую мотивирующую основу, но разные форманты, причем круг польских суффиксов более разнообразен [Суворова 2010: 177].

Самой многочисленной из указанных выше является группа, включающая цветообозначения, образованные на базе **названий объектов растительного мира**. В ней возможно выделение ряда подгрупп.

Первая подгруппа включает колоронимы, образованные от названий плодов.

Среди них выделяются полные соответствия. Например, *каштановый* «цвета каштана; светло-коричневый» от каштан [ССРЛЯ] и *kasztanowy* «цвета каштана» [БПРС]. Следует отметить, что лексическая сочетаемость этих прилагательных ограничена. И русское, и польское слова могут характеризовать только цвет волос или шерсти.

Частичными соответствиями, т. е. совпадающими по семантике, но различающимися по звуковой оболочке, являются *абрикосовый* «желто-красный; цвета зрелого абрикоса» от *абрикос* [ССРЛЯ] и *morelowy* «цвета абрикоса» от *morela* «абрикос» [БПРС], а также прилагательные *апельсиновый* «оранжевый, цвета кожуры зрелого апельсина» от *апельсин* [ССРЛЯ] и *potaranczowy* «цвета апельсина» от *potarancza* «апельсин» [БПРС]. Имена существительные, которые выступают в качестве мотивирующих у данных цветообозначений, являются заимствованными из разных языков, чем и объясняется различие во внешней форме. Лексема *абрикос* пришла из латинского языка, а *morela* – из немецкого, *апельсин* – из голландского, а *poteranze* – из немецкого [Фасмер].

Особый интерес среди колоронимов представляют так называемые межъязыковые омонимы, т. е. лексемы, имеющие разные значения при полном сходстве звуковой оболочки. Например, среди наименований цвета, образованных от названий плодов, встречаются «ложные друзья переводчика»: русское прилагательное *гранатовый* обозначает ярко-красный цвет, а польское *granatowy* – синий.

Вторая подгруппа включает цветообозначения, образованные от названий ягод.

Среди них много полных соответствий: *вишневый* «относящийся к вишне; похожий цветом на вишню» – *wisniowy* «вишневого цвета»; *калиновый* «похожий цветом на плод калины» – *kalinowy* «цвета калиновой ягоды»; *малиновый* «похожий цветом на плод красной малины» – *malinowy* «малинового цвета», *рябиновый* «цвета ягод рябины, оранжево-красный» – *jarzqbinowy* «цвета рябины». Интересно, что все наименования характеризуют различные оттенки красного цвета.

Частичными соответствиями, совпадающими по значению, но различающимися по внутренней форме, являются *клюквенный* «имеющий цвет клюквы» и *zurawinowy* «клюквенного цвета». Прилагательное *клюквенный* образовано от общеславянского слова *клюква* «ягода, которую клюют птицы». Таким образом, свое название ягода получила по действию, заложенному в глаголе *клюкати* «клевать». Польское прилагательное *zurawinowy* связано с названием птицы – *żurawin* «журавль», т. е. птицы, которая питается этой ягодой. О древности этого наименования ягоды говорит то, что в некоторых русских говорах сохранилось слово *журавика*, связанное с представлениями людей о птице, питающейся клюквой. Ещё одним косвенным подтверждением того, что слова *клюква* и *журавль* связаны, является характер именований клюквы в других языках. По-эстонски *журавль* – *kure*, а *клюква* – *kuremari*. По-латышски эти слова соответственно будут *dzērve* и *dzērvēne*. На марийском языке журавля зовут *турня*, а клюкву – *турняпöчиж* (буквально ‘журавлиная брусника’) [Фасмер]. Кроме того, в русской народной этимологии есть еще одна гипотеза, согласно которой *клюква* получила такое название в честь журавля. При сборе этой ягоды было замечено сходство её цветка с головой длинноклювого журавля (она красного цвета).

Третья подгруппа включает цветообозначения, образованные от наименований цветов.

Большинство слов являются полным соответствиями: *миндальный* «такой, как у цветков миндаля; цветом похожий на цветок миндаля» – *migdalowy* «цветом цветка миндаля»; *фиалковый* «цвета фиалки, фиолетовый» – *fiolkowy* «цветом похожий на фиалку», *лиловый* «розовато-голубой, светло-фиолетовый» – *liliowy* «лилового цвета».

К частичным соответствиям можно отнести пару *сиреневый* «цвета сирени, светло-лиловый» – *liliowy* «сиреневого цвета». Судя

по данным польских словарей, лексема *liliowy* обозначает как сиреневый, так и лиловый цвета [USJP 2: 442]. Вероятно, это связано с тем, что в языке-посреднике (немецком) эти оттенки тоже не разграничиваются (*lila* «сиреневый, лиловый»).

Достаточно многочисленной является группа цветowych прилагательных, образованных **от названий камней**.

Среди слов этой группы немало полных соответствий: *агатовый* – *agatowy*; *аквамариновый* – *akwamarynowy*; *аметистовый* – *ametystowy*; *коралловый* – *koralow*y; *малахитовый* – *malachitowy*; *мраморный* – *marмурowy*; *рубиновый* – *rubinowy*; *сапфировый* – *szafirowy*.

Частичными соответствиями, различающимися аффиксами и частично звучанием, являются *изумрудный* и *szmaragdowy*, обозначающие ярко-зеленый цвет, напоминающий цвет изумруда. Интересно отметить, что слово *изумруд* более позднее по происхождению. В древнерусском языке, как и в древнепольском, существовало слово *szmaragd*, обозначавшее камень зеленого цвета. Вероятно, польский язык в силу своей консервативности сохранил эту более раннюю лексему, а в русском языке она утратилась после того, как в русский язык в пришло новое слово *изумруд*, заимствованное из персидского языка [Фасмер].

К частичным соответствиям следует отнести и пару *жемчужный* «напоминающий жемчуг по цвету» от *жемчуг* [ССРЛЯ] – *perlowy* «жемчужно-серый» от *perl* «жемчуг» [БПРС]. Производящее польской лексемы *perl* восходит к латинскому *pernula* в значении «морская раковина» [Brückner], а производящее русской цветовой лексемы – к китайскому «чжень-гжу» в значении «упавший с неба» [Фасмер]. Таким образом, в польском языке сохранилось европейское название, а в русском – азиатское.

Специфическими, характерными только для русского языка, являются прилагательные *авантюриновый* «авантюриновая глазурь – зеленая или красная глазурь на керамических изделиях, содержащая большое количество золотистых блесток» от *авантюрин* «разновидность кварца темно-красного цвета, употребляемая для поделок, изготовления недорогих украшений» [ССРЛЯ] и *яхонтовый* «синий; цвета сапфира» от *яхонт* «старинное название рубина и сапфира» [ССРЛЯ].

Довольно большим количеством лексем в обоих языках представлена группа цветообозначений, связанных с **наименованиями природных явлений**.

Полными соответствиями являются пары: *небесный* – *niebieski*; *пламенный* – *plomienny*; *терракотовый* – *terakotowy*, *красавый* – *krwawy*; *пепельный* – *popielaty*.

К частичным соответствиям можно отнести следующие пары: *огненный* – *plomienny*; *песчаный* – *piasko*. В первом случае отличие во внешнем облике слов связано с тем, что в польском языке не сохранилась древняя лексема *огонь*, вместо нее используется существительное *plamie*, имеющая значение «огонь, пламя». Во втором примере русское и польское прилагательное различаются суффиксами.

По мнению А. Вежбицкой, «принцип использования типичных черт пейзажа как референциальной рамки при описании категорий зрительного восприятия вообще и цвета в особенности – это человеческая универсалия», а также, что «этот принцип лежит в основе многих особенностей человеческого общения, связанного с «видением» мира» [Вежбицкая 1996: 231]. Таким образом, эта группа оказывается универсальной для всех языков, в нашем случае для русского и польского, и некоторые отличия в ней могут быть объяснены только незначительными различиями в природных условиях славянских стран.

Сравнительно небольшая группа цветообозначений образована от **названий естественных красителей**.

Она включает небольшое число полных соответствий: *индиговый* – *indygowy*; *ультрамариновый* – *ultramarynowy*, имеющих значение «темно-синий цвет». Все лексемы являются не славянскими по происхождению.

К частичным соответствиям можно отнести лексемы, характеризующиеся общей мотивирующей основой, но различающиеся суффиксами: *карминный* – *karminowy*; *охряный* – *ochry*; *пурпурный* – *purpurowy*; *шарлаховый* – *szkariat*, *стальной* – *stalowy*.

Специфическими, характерными только для русского языка, являются следующие цветковые прилагательные: *киноварный* «относящийся к киновари, состоящий из киновари или свойственный ей, красный» [ССРЛЯ]; *кубовый* «синий густого, яркого оттенка» [ССРЛЯ]; *суриковый* «цвета сурика, красно-оранжевого или красно-коричневого оттенка» [ССРЛЯ].

Небольшая группа объединяет цветообозначения, образованные от **названий химических элементов и металлов**.

Данная группа представлена преимущественно полными соответствиями: *бронзовый* – *brązowy*; *златой* и *золотой* – *zlaty*; *кобаль-*

товый – *kobaltowy*; *медный* – *miedziany*; *серебристый* – *srebrzysty*; *серебряный* – *srebrny*.

Кроме перечисленных выше лексем, к данной группе относятся прилагательные *купоросный* «такой, как у купороса; цвета медного или железного купороса; синий или зеленый» от *купорос* «сернокислая соль некоторых тяжелых металлов» и *свинцовый* «темно-серый, цвета свинца» от *свинец*, которые, судя по данным словарей, есть только в русском языке [ССРЛЯ].

Примерно равна по объему предыдущей группе группа цветowych прилагательных, образованных **от наименований продуктов**.

Среди слов этой группы было выявлено только одно полное соответствие: *медовый* «цветом, подобным меду; желтый, янтарный» [ССРЛЯ] — *miodowy* «цвета меда, золотистый» [БПРС].

Большую часть этой группы составляют частичные соответствия: *бордовый* «темно-красный» от *бордо* «сорт красного вина» – *bordo* «цвета бордо»; *кофейный* «цвета кофе; темно-коричневый» – *kawowy* «кофейного цвета»; *молочный* «цветом, подобным молоку; матово-белый» – *mlecznobiały* «молочного цвета». Польские и русские цветообозначения характеризуются структурными отличиями (в основном, разными суффиксами). Лексема *mlecznobiały* является сложной, образованной на базе двух слов *mleczny* – «молочный» и *biały* «белый».

Русские лексемы *горчичный* «цвета горчицы», *мучной* «белый, цвета муки», *шафранный* «ярко-желтый, цвета шафрана», *яичный* «ярко-желтый, цвета желтка яйца» в польском языке соответствий не имеют.

Единственной группой цветообозначений, в которой не удалось выявить ни полных, ни частичных соответствий, является группа колоронимов, образованных **от наименований животных и птиц**. В русском и польском языках она представлена абсолютно разными лексемами.

Русские лексемы – это производные прилагательные, возникшие как от названий птиц, так и от названий животных: *канареечный* – «ярко-желтый, цвета перьев канарейки» от *канарейка*; *мышинный* «цвета шерсти мыши; серый или светло-серый» и *мышастый* «мышинного цвета; серый (о масти животных)» от *мышь*; *тигровый* «цвета шкуры тигра; желтый с темными полосами» от *тигр* [ССРЛЯ].

Все польские лексемы данной группы образованы от существительных, называющих только птиц: *rawi* «цвета павлиньего пера» от *rawa* «павлин»; *rawiowy* «цвета павлиньего пера» от *rawa* «павлин»; *kruczy* – «цвета вороного крыла» от *kruk* «ворона»; *kruczoczarny* «цвета вороного крыла» от *kruk* «ворона» и *czarny* «черный» [БПРС].

Таким образом, при сопоставительном анализе цветообозначений в русском и польском языках были обнаружены как сходство, так и различия. Общие черты касаются общего механизма наименований, в основе которых лежат общие признаки. Кроме того, по нашим наблюдениям, большую часть цветообозначений составляют полные соответствия, которые чаще всего встречаются среди колоронимов, образованных от наименований предметов растительного мира, природных явлений, камней. Реже они присутствуют среди цветообозначений, образованных от наименований химических элементов и естественных красителей. Судя по данным словарей современного русского и польского языков, меньше частичных соответствий, различающихся внутренней формой. Эти различия, по всей видимости, связаны с тем, что некоторые цветообозначения либо заимствованы из разных языков, либо возникли в разные исторические эпохи.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
2. *Суворова Н. В.* Колоронимы в русском и польском языках //Международная научная конференция «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней». Сборник научных трудов. – Иваново, 2010. С. 177–182.

Источники

1. БПРС – *Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь: В 2 т. – М.; Варшава: Русский язык, Ведзаповшехна, 1980.
2. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
3. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. СПб.: Азбука, 1996.
4. Brückner – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: «Wiedza Powszechna», 1970.
5. USJP – *Uniwersalny słownik języka polskiego/pod red. prof. Stanisława Dubisza.* Т. 1–4. – Warszawa; Wydawnictwo naukowe PWN, 2008.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ (структурно-семантический аспект)

Статья посвящена сопоставительному описанию имен существительных со значением «родственница», функционирующих в русском и болгарском языках. Рассматриваются общие и специфические черты русской и болгарской систем терминов родства. Автор приходит к выводу, что в обоих языках функционирует большое количество слов данной тематической группы, но соотношение данных лексем с точки зрения структуры и семантики в этих языках различно.

Ключевые слова: термины родства, тематическая группа, семантика, структура, способ образования, общие и специфические черты.

Термины родства издавна привлекали внимание исследователей. И это неслучайно, так как слова данной лексической группы содержат обширный и при этом очень древний материал, показывающий социальные взаимоотношения как внутри славянского мира, так и всего индоевропейского сообщества. Несмотря на большое количество общих наименований среди терминов родства в славянских языках, все же наблюдается немало слов со своим специфическим значением, которое характерно только для одного из языков. В полной мере это относится к терминам родства в русском и болгарском языках.

Названия родственников по степени родства в русском и болгарском языках можно разделить на 2 группы:

- Имена существительные, обозначающие близких родственников (*русск. бабушка – болг. баба; мама – майка*);
- Имена существительные, обозначающие дальних родственников (*русск. племянница – болг. племенница; свекровь – свекърва*).

Внутри каждой из групп выделяются две подгруппы:

- наименования кровных родственников (*дочь – дъщеря; тетья – леля*);
- наименования некровных родственников (*мачеха – мащеха; теща – тъща*).

Большинство лексем в обоих языках полностью совпадают по семантике. Однако в болгарском языке среди имен, называющих дальних родственников, есть существительные, в которых актуализируется определенная сторона родства. Общеизвестно, что в русском языке применительно к родственным отношениям слово *тетя* имеет два значения: «сестра отца или матери по отношению к племянникам» и «жена дяди» [БАС 1963: 410], т. е. одним словом выражены понятия, связанные с кровным и некровным родством.

Совсем иная картина, судя по данным словарей, предстает в болгарском языке. Так, слово *téta* здесь имеет более узкое значение – «сестра матери по отношению к ее детям» [Бернштейн 1975: 658].

Значение «сестра отца по отношению к детям» выражается лексемой *леля*, которая, вероятно, пришло из южного турецкого диалекта *lélö* [Трубачев 1959: 87] в то время, когда Болгария находилась под османским владычеством. В турецком языке данное слово употребляется в том же значении, что и в болгарском языке.

Интересно отметить, что в болгарской терминологии в качестве наименований тети по отцу и по матери используются производные от названий дядьев (по отцу – **stryjъ* и по матери – **ujъ*). Значение «жена брата мужа по отношению к детям» выражается лексемой *стрина* [Бернштейн 1975: 637], а значение «жена брата жены по отношению к детям» – *вуйна* [РБС 1985: т. 2, 682]. В русском языке эти отдельные обозначения тоже когда-то существовали, но со временем их заменило слово *тетя* с обобщающим значением.

Среди болгарских названий *дальних* родственников есть немало синонимичных лексем. Например, *малина*, *калина*, *хубавка*, *ябълка*, *дунка*, которые обозначают золовку, то есть «сестру мужа». Но каждое из этих слов отличается оттенком значения и **более точно характеризует положение женщины в семье родственников мужа:**

малина – первая золовка;

калина – вторая золовка;

хубавка – третья золовка;

ябълка – четвертая золовка;

дунка – пятая по счету золовка в доме.

Большая часть этих наименований метафорична, заимствована из мира природы. Так, в болгарском языке *калина*, *малина* – это прежде всего названия ягод, как в русском, а *ябълка* и *дунка* «айва» – фруктов. И только лексема *хубавка*, вероятно, образована от прилагательного *хубав*, что в переводе на русский язык – «хороший» [СБЯ 1984: 477].

С точки зрения происхождения большинство слов имеет общеславянский характер. Эти лексемы возникли еще в праславянский пе-

риод. Значительная часть этих слов характеризует близких родственников. Например, русск. *баба* – болг. *баба*, русск. *мать* – болг. *майка*.

В каждом из указанных языков есть исконные лексемы, т. е. слова, появившиеся в данном, конкретном языке: в русском – *золовка*, а в болгарском – *буля*, *булка*, которое, согласно Трубачеву, возникло от *було* «фата, свадебное покрывало» [Трубачев 1959: 95]. Доля заимствований среди слов данной тематической группы незначительна. Так, из французского языка в русский язык пришла лексема *кузина*, из романских языков в болгарский – *чукунбаба* (*прапрабаба*), из турецкого языка – лексема *балдъза* «свояченица».

С точки зрения структуры значительная часть собранного нами материала – это слова производные, меньшая часть – непроизводные. Основным способом образования лексем, называющих родственников, в русском и болгарском языках является суффиксальный (русск. *бабушка* – болг. *бабичка*; *золовушка* – *зълвичка*), меньше слов, образованных приставочным способом (*правнучка*; болг. *пра-тетка*). Есть также слова, пришедшие из детского языка, возникшие в результате удвоения слога (*мама*, *тетя*).

Почти все имена существительные, обозначающие близких кровных и некровных родственников, в обоих языках сохраняют сходное написание и произношение. Некоторое фонетическое различие можно объяснить тем, что у южных и восточных славян по-разному происходило изменение сочетания «*kt + гласный переднего ряда». В русском языке оно перешло в «ч» – *дочь*, а в болгарском в «щ» – *дъщеря*. В единичных словах разницу в фонетике составляет только ударение (*женá* – *жéна*; *сестра́* – *сéстра*).

Сопоставительный анализ лексем со значением «родственница» в русском и болгарском языках показал, что в обоих языках функционирует большое количество слов данной тематической группы. Но соотношение данных лексем в этих языках различно. В современном русском языке намного меньше слов, обозначающих дальних родственников, чем в болгарском языке. Вероятно, причина этого явления экстралингвистическая. Понятия *семья*, *родственник* крайне важны для болгар, отсюда стремление упорядочить, четко разграничить и определить характер родства по отцовской и материнской линии.

Ярким примером этого является обозначение неродной дочери. В русском языке это значение передается в одной лексеме *падчерица*. А в болгарском языке это значение дифференцируется. Дочь жены от первого брака по отношению ко второму мужу называют *доведеницей*, потому что жена приводит ее в дом мужа [Бернштейн 1975: 161]. Для членов семьи мужа эта дочь считается ребенком, которого отец привел

вместе с новой матерью. А дочь мужа от первого брака принято называть *завареницей* (слово образовано от глагола *заварям* «застать»), потому что новая супруга застаёт ее в доме мужа [Бернштейн 1975: 206].

Есть и особое слово в болгарском языке, обозначающее общую дочь мужа и жены во втором браке – *преродена*. В этом наименовании отражается факт того, что этот ребенок женского пола является родным для обоих родителей [Бернштейн 1975: 602].

Таким образом, в русском языке термины родства носят более обобщенный характер, в отличие от болгарского языка, где можно наблюдать большее разнообразие лексем, конкретизирующих значение. Вероятно, это обусловлено тем, что для болгар значимы и степень, и характер родства.

Литература

1. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. 2-е изд. – М., 1975.
2. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959.

Источники

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах) / ред. В. И. Чернышев. – М., 1950–1965.
2. РБС – Русско-болгарский словарь: в 2 т. – София, 1985.
3. СБЯ – Словарь болгарского языка: в 5 т. – София, 1984–1987.

Толкачева Ирина Вячеславовна

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия
irzim@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (на примере русских народных воскресенских говоров Нижегородской области)

Статья посвящена анализу качественного и количественного состава тематической группы «Грибы. Ягоды» в воскресенских говорах Нижегородской области. Сравнивается лексическое и семантическое наполнение данной группы на двух временных срезах: 1980–90-е гг. и начало XXI в.

(2013 г.). Выявляются основные характеристики развития и современного функционирования выделенных лексем: расширение/сужение количества членов ТГ, изменение семантического и формального варьирования и т. д.

Ключевые слова: диалектная лексико-семантическая система, тематическая группа, формальное варьирование.

В системе русского языка диалект представляет собой средство коммуникации значительной части населения России. Являясь сложно организованной языковой макросистемой, диалектный язык проходит разные стадии своего развития, а значит – эволюционирует. Ученые уже давно обращают свое внимание на быстрые темпы изменения диалектных микросистем, особенно на лексическом уровне: «Не раз, проверяя словники старых словарей Г. Куликовского, А. Подвысоцкого, многих чисто диалектных слов мы уже не услышали, что само по себе свидетельствует о временной неустойчивости многих диалектных, в особенности непредметных слов» [Герд, 2000: 47].

Безусловным фактором трансформаций лексических диалектных систем является изменение социокультурной и информационной среды бытования говоров. Выводы многих ученых о жизнеспособности говоров в современных условиях, следовательно, неутешительны. Так, лингвисты отмечают сближение местных говоров с городским просторечием, выполнение диалектами функций сельского просторечия [Колесов 1995: 17]; появление полудиалектной речи как переходного состояния от архаических говоров к литературному языку [Герд 2000: 47] и пр. Действительно, процессы нивелирования русских говоров отмечаются всеми исследователями, однако весь спектр причин подобных модификаций и их результаты еще предстоит выяснить. Очевидно, причины изменений лежат не только в экстралингвистической плоскости. Внутри диалектных микросистем действуют собственно языковые законы развития, действие которых – наряду с внешними факторами – и рождает своеобразные трансформации лексико-семантических диалектных структур. В настоящее время, утрачивая свое единство, русские говоры «расслаиваются на три структурно-функциональных типа: архаический, промежуточный и передовой – тип говора, близкий к литературному языку» [Курбангалеева 2012: 213]. Такие выводы поддерживаются и результатами частных диалектологических исследований, утверждающих социально-возрастную маркированность в употреблении той или иной особенности говоров [Архангельский север 2010: 53].

В данной статье рассматриваются особенности развития лексико-семантических систем (ЛСС) диалекта на примере функциони-

рования лексики тематической группы «Грибы. Ягоды». Территория исследования – воскресенские говоры Нижегородской области. Эти говоры являются переходными среднерусскими окающими говорами, т. е. представляют генеральный тип нижегородских говоров (отметим, что на окраинных территориях Нижегородского региона проходят границы севернорусского и южнорусского наречий, также распространены и среднерусские акающие говоры). Выбор данной тематической группы не случаен, поскольку, с одной стороны, наименования растительного мира являются одними из самых древних, с другой стороны – номинируемые реалии не подвержены исчезновению под влиянием внешних социально-экономических факторов (чего нельзя сказать, например, о лексике крестьянского быта). Источниками наблюдения послужили материалы картотеки «Диалектного словаря Нижегородской области» (собираются с 1949 года по настоящее время), а также материалы последней диалектологической экспедиции Нижегородского государственного университета в Воскресенский район в 2013 году.

Состав данной тематической группы не отличается особым разнообразием, что объясняется прежде всего экстралингвистическими факторами: природно-климатические условия территории распространения говора предполагают определенный набор видов грибов и особенно ягод. Тем не менее диалектные номинации конкретных объектов природы образуют, как правило, многочисленные соотносительные ряды. Посмотрим состав и распределение названий грибов и ягод в воскресенских говорах на двух хронологических срезах: 1980–90-е гг. и 2013 год.

Таблица 1

Состав тематической подгруппы «Грибы» в нижегородских воскресенских говорах

Научное и общеназванное название	Диалектные номинации 1980-90-е гг.	Диалектные номинации 2013 г.
Белый гриб (Boletus edulis)	<i>корóватник, корóвенник, окорóвенник, корóветник, коровёнок, коровя'тник, беля'к</i>	<i>корóвка, корóвенник</i>
Подберезовик (Boletus scabra)	<i>борові́к, обáбок, берёзник, чилі́к</i>	<i>берёзовик</i>
Подосиновик (Boletus versipellis)	<i>борові́к, красногolóвик,</i>	<i>осі́новик, красногolóвик</i>

	<i>подоси́нник</i>	
Сыроежка (<i>Russula vesca</i>)	<i>сурове́жка, суроёга, суроёжка, сырове́жка, сыроёга</i>	<i>суроёжка, сыроёга</i>
Маслёнок (<i>Boletus luteus</i>)	<i>ма́сленик, перепо́на, перепо́нник, перепо́нович, алипа́н</i>	<i>ма́сленик, алипа́н, елови́к</i>
Волнушка розовая (<i>Lactarius torminosus</i>)	<i>волну́ха, во́лжа́ница, во́лжанка, во́лженец</i>	<i>во́лжа́ница</i>
Белая волнушка (<i>Lactarius pubescens</i>)	<i>беля́нка</i>	<i>беля́нка</i>
Черный груздь (<i>Agaricus riperatus</i>)	<i>черну́ха, свина́рь</i>	<i>свина́рь</i>
Лисички (<i>Agaricus flabellatus</i>)	<i>петуши́й</i>	–
Валу́й (<i>Russula foetens</i>)	<i>кула́к</i>	<i>кула́к, гладёна, глады́ш</i>
Свинушка (<i>Paxillus involutus</i>)	<i>свина́рь, ду́нька</i>	<i>свина́рь, матрёшка, свина́рка</i>

Прежде всего обращают на себя внимание те случаи, когда мы видим увеличение числа языковых номинаций в современный период (*гладёна, гладыш* ‘валу́й’, *матрёшка* ‘свинушка’). Проницаемость диалектной лексической системы (исследователи отмечают это свойство как одну из основных черт ЛСС говора) позволяет принимать новые лексические единицы не только из литературного языка и просторечия, но и из соседних говоров. Так, *матрёшка* является распространенным наименованием гриба *свинушка* в соседнем с Воскресенским Семёновском районе Нижегородской области. О недавнем «заимствовании» этой лексемы говорит как редкая встречаемость в исследуемых говорах (всего 3 фиксации), так и нечеткая семантика для диалектоносителя: *Наберу́т каки́х-то матрёшек – я не беру́... он блёдно-коричневый* (д. Звягино); *Матрёшки тепе́рь, ви́димо, иду́т, грибы́*. *Да же́лтеньки каки́-то... лисички́ будто* (д. Шевелино). Наименования же с корнем *глад-* для обозначения разных видов грибов (как правило, волнушек или валуев) широко распространены в нижегородских говорах; в них реализуется номинационная модель «осязательное ощущение → гриб» (она же отмечается и в таком названии валуя, как *сопливик*): *Оне́ как сыроёги, больш́ие гладёны, ско́льзкие оне́* (д. Задворка).

**Состав тематической подгруппы «Ягоды» в нижегородских
воскресенских говорах**

Научное и общена- родное название	Диалектные номина- ции 1980-90-е гг.	Диалектные номина- ции 2013 г.
Голубика (<i>Vaccinium uliginosum</i>)	<i>ганабóль, гонобóль, ганабóшка, конобóль</i>	<i>глубнiка, гонобóль</i>
Брусника (<i>Vaccinium vitis-idaea</i>)	<i>брусёна, бруснiга</i>	<i>бруснiга, бруснiка</i>
Земляника (<i>Fragaria</i>)	<i>землянiга</i>	<i>землянiга</i>
Черника (<i>Vaccinium myrtillus</i>)	<i>чернiга</i>	<i>чернiга</i>
Клюква (<i>Oxococcus</i>)	<i>жаровiка, жаровiга, жеровiка, жеровiга</i>	–

Итак, наблюдается тенденция к сокращению количественного состава обеих подгрупп. Тем не менее, в качественном отношении отмечается достаточно хорошая сохранность лексических единиц, особенно имеющих общерусские корни, соответствующие корням в литературных наименованиях (*осиновик, берёзовик, сыроега, масленник, кулак; чернига, бруснига* и т. д.). Утрачиваются прежде всего диалектные образования, отражающие в названиях какие-то особые характеристики объекта (внешний вид – *перепонник, петушки*; конкретное место произрастания – *еловик*), а также теряющие для диалектоносителя внутреннюю мотивацию (*жаровица*). Однако стоит отметить и активную воспроизводимость, например, такой лексемы, как *коровенник* (с формальными вариантами). Очевидным становится факт владения носителем говора своим, «местным», словом и литературе эквивалентом, причем выбор в речи того или другого часто уже не обуславливается ситуацией общения, что отражается и в использовании форм глаголов прошедшего времени при рассказе о названиях грибов и ягод: *Теперь – чёрный груздь, раньше не брали его, свинарём называли, за грех брали* (с. Докукино); *Кулачки, холуй, сопливики – одно и то же* (д. Карасиха); *Кулак и валуй – один гриб называют* (д. Асташиха) *Подберёзовики – это те же чилики* (д. Пичужиха). *Чёрный груздь мы чернухой называли* (д. Асташиха).

Сужение тематических подгрупп в количественном отношении связано и с изменениями в формальном и семантическом варьи-

ровании входящих в них единиц. Если для первого временного среза характерно разнообразие внешних модификаций лексем (фонетических: *гоноболь – коноболь, суроежка – суровежка, жаровика – жеровика, коровенник – окоровенник*; словообразовательных: *гоноболь – гонобошка, перепона – перепонник – перепоновик, волжанка – волжаница*), то на современном этапе развития система сохраняет в активном запасе какой-либо один из формальных вариантов (*гоноболь, коровенник, волжаница, сыроега, бруснига*). Хотя отмечаются в ряде случаев и появление новых модификационных вариантов: *глубника, брусника*, однако это скорее исключение, чем тенденция (в пределах исследуемой группы, безусловно).

С точки зрения развития семантической структуры обозначенных лексем также наблюдаются изменения в сторону сужения, например: *боровик* – фиксируется только в значении, отмеченном словарями литературного языка ‘белый гриб’, тогда как еще два десятилетия назад употреблялся в значениях ‘подберезовик’ и ‘подосиновик’, т. е. наблюдается прекращение полисемантических отношений. В то же время стоит подчеркнуть, что для исследуемой тематической группы изменения семантических связей не являются показательными, поскольку данная лексика номинирует такие объекты действительности, которые не предполагают широкого спектра семантической производности.

Литература

1. Архангельский Север в зеркале языка: региональный аспект языковой картины мира / Т. В. Симашко, Н. В. Осколкова и др. – Архангельск, 2010. 131 с.
2. Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня: сб. статей. – М., 2000. С. 45–52.
3. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. С. 13–24.
4. Курбангалеева Г. М. О некоторых особенностях функционирования лексики русских говоров Башкирии // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 215–219.

Хорецкая Наталья Юрьевна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
nataliasch@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ СИНОНИМИЧНЫХ ЛЕКСЕМ JA И GAR С ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Статья посвящена прагматической стороне семантики немецких логических частиц *ja* и *gar* в значении «даже». Различия в функционировании этих лексем выявляются на основе их аксиологических значений.

Ключевые слова: прагматика, логическая частица, аксиология, синонимия.

Современный мир все больше испытывает потребность в специалистах иностранной филологии, имеющих не только фундаментальные знания теории языка, но и блестяще владеющих иностранным языком. Уровень владения иностранным языком определяется не только богатством лексического запаса, безукоризненным применением грамматических правил и совершенным произношением. Мастерство в иноязычном общении проявляется еще и в том, насколько верно учитывается прагматическая сторона семантики слов, насколько адекватно поставленной коммуникативной цели они употреблены, насколько полно использованы заложенные в языке ресурсы.

В связи с этим в науке о языке в последнее время уделяется значительное внимание изучению слов, несущих определенную прагматическую нагрузку. К таким словам относятся и частицы, семантическими особенностями которых занимаются ученые на материале разных языков [Торопова 1980; Слюсарева 1981; Weydt 1983; Helbig 1994; Nekula 1996]. Этот класс функциональных слов, однако, обладает настолько специфической семантикой, что многочисленные исследования, посвященные проблемам их значения [Торопова 1980; Thurmair 1989; Nekula 1996], не могут в полной мере отразить их прагматическую сущность. Одно лишь является очевидным: частицы следует изучать, поскольку они играют важную роль в процессе коммуникации.

Часто значения частиц описывается расплывчато, с помощью понятий *усиление*, *выделение*, *ограничение* и т.п. К сожалению, такие определения не дают достаточно ясной картины семантической сущности частиц, поскольку нет разъяснения того, что именно усиливают, выделяют, ограничивают частицы. Ответ на этот вопрос позволяют дать исследования названного класса слов с позиции лингвистической прагматики.

Прагматическое направление в лингвистике занимается изучением языка в плане его употребления. Прагматику интересует в первую очередь то, при каких обстоятельствах, в каких коммуникативных ситуациях, с какими предпосылками и намерениями создаются высказывания. Одним из разделов лингвистической прагматики является аксиология – учение о природе ценностей. Информация, заключённая в коммуникативном отрезке, состоит из названия события и отношения говорящего к этому событию [Сергеева 1990: 58]. Всё происходящее в личной, природной и социальной сферах оценивается человеком знаками плюс или минус, которые подразумевают *хорошо* или *плохо*.

Именно аксиологические исследования могут помочь установить различия при употреблении синонимичных частиц, которые, обладая одинаковым значением, не могут быть взаимозаменяемыми в высказываниях. Известно, что полных синонимов не существует. Между двумя сходными по значению лексемами есть определённые различия. В связи с этим для носителей иноязычной культуры не всегда бывает ясно, как правильно дешифровать скрытую за знаком информацию и какое именно иностранное слово употреблять в данном конкретном контексте.

Подобные трудности вызывает вопрос, касающийся семантики немецких синонимичных лексем *ja* и *gar* в значении «даже». Исследование контекстов с данными частицами позволило сделать вывод, что как *ja*, так и *gar* в значении «даже» заключают в своей семантике аксиологический компонент. При этом аксиологические значения обеих частиц отличаются полярностью, то есть одна частица имеет отношение к положительной оценке (*ja*), а другая – к отрицательной (*gar*).

Следует упомянуть ещё одну особенность этих частиц. Частицы *ja* и *gar* в значении «даже» относятся условно к группе усиленных частиц, поскольку подчёркивают более высокую ступень, большую степень проявления признака. Функционируя в оценочных

высказываниях, частицы маркируют усиление положительных или отрицательных характеристик. Рассмотрим это более подробно.

Итак, ведущим компонентом семантики частицы *ja* является компонент «усиление». Анализ фактического материала показал, что частица функционирует в высказываниях, в которых говорящий или пишущий даёт положительную оценку происходящему. Частица *ja*, вводя в предложение свой ядерный элемент, усиливает положительную оценку. Поскольку слово «даже» обладает семантикой предела, то слово *ja*, маркируя положительную оценку, доводит её до крайнего предела. Обратимся к примерам.

(1) Wenn dies Ihre Meinung ist, Hochwürden, dann muss ich allerdings sagen, dass sich jetzt für dieses Zugeständnis *eine bessere*, ja *vielleicht die einzig richtige* Gelegenheit bietet [Schnitzler 1972:180]. «Если это Ваше мнение, Ваше преподобие, тогда я, конечно, должен сказать, что сейчас для этого признания представляется лучший, *даже*, пожалуй, единственно подходящий случай».

Высказывание в целом характеризует момент времени как хороший, подходящий для выражения похвалы. Уже сама положительная оценка настоящего момента заключена в аксиологическом операторе *bessere*. Частица *ja*, соотнося *einzig richtige* (ядерный элемент) со словом *bessere* (коррелят), усиливает оценивающие свойства последнего, подчёркивая высшую степень положительной оценки происходящего. Коррелят частицы *ja* не обязательно должен быть выражен оценочным словом с положительным оттенком (хорошо, лучше, великолепно и т.д.). Частица может соотносить слова, несущие в себе негативную семантическую информацию. Но всё высказывание в целом выражает положительное отношение говорящего к происходящим событиям. Ср.:

(2) Man verschweigt natürlich, dass gerade das anwachsende Friedenspotential Russlands und Chinas von der Macht dieser Länder zeuge und den Krieg *völlig überflüssig*, ja *sinnlos und verbrecherisch* erscheinen lasse [Wolf 1993: 233]. «Конечно, умалчивают, что именно нарастающий мирный потенциал России и Китая свидетельствует о силе этих стран и представляет войну совершенно ненужной, *даже* бессмысленной и преступной».

В предложении положительно оценивается нарастающее могущество России и Китая, так как именно эти страны заставили задуматься о ненужности войны и о её преступном характере по отношению ко всему человечеству. Коррелят частицы *ja* – *völlig überflüssig* – содержит в себе негативный компонент значения. Ядерные элементы

частицы – *sinnlos und verbrecherisch* – ещё больше усиливают это качество (бессмысленный и преступный – это хуже, чем ненужный). Однако эти прилагательные (*überflüssig, sinnlos und verbrecherisch*), отмечая отрицательные стороны войны, подчёркивают необходимость открыто объявлять о пагубных чертах войны и в целом способствуют усилению положительной оценки развития стран. То есть частица **ja**, вводя в предложение характеристики войны, усиливают общую положительную оценку по отношению к политике мира, которую ведут Россия и Китай.

Итак, частица **ja** функционирует в предложениях, в которых заключена положительная оценка описываемых событий. Частица и её ядерный элемент усиливают эту оценку, доводя её до крайнего предела оценочной шкалы.

Частица **gar** с усилительным значением «даже» тоже выполняет оценочную функцию. Но в отличие от частицы **ja** слово **gar** маркирует крайне отрицательную оценку происходящего, создавая тем самым оппозицию родственной по значению частице **ja**. Так, если высказывания с **ja** имеют общеположительный смысл, то высказываниям с **gar** свойственен общеприцательный настрой. Например:

(3) Mit deutschen Emigranten, die ihn als “Regierungsschweinehund” oder gar *Spitzel* verdächtigen, kommt er selten zusammen, doch bleiben ihm genügend englische Kontakte [Grass 1991: 71]. «С немецкими эмигрантами, которые подозревают его как «правительственного подлеца» или *даже* шпиона, он встречается редко, но у него остаётся достаточно контактов с англичанами».

Отрицательно оценивают немецкие эмигранты пресс-атташе немецкого посольства, называя его подлецом. Однако это ещё не самая плохая оценка посла. Частица **gar**, соотнося свой ядерный элемент *Spitzel* с *Regierungsschweinehund*, усиливает негативные качества последнего. Считать посла шпионом – это значит выразить к нему самое большое недоверие. Частица **gar**, таким образом, отмечает крайнюю степень недовольства немцев послом.

В предложениях с частицей **gar** события оцениваются крайне отрицательно, так как являются неблагоприятными для говорящего. Ср.: (4) Du bist nicht geschaffen zu lügen. Du wirst dich verraten oder gar *freiwillig gestehen* [Schnitzler 1972: 75]. «Ты не создан для лжи. Ты выдашь себя или *даже* добровольно сознаешься».

Герой отрицательно относится к намерению своего брата остаться в стране, так как тот в силу своей открытости может сознаться

в своих незаконных действиях (что уже плохо) и более того – в подпольной деятельности всего общества (что носит крайне негативный характер). Это является неблагоприятным для многих людей.

Таким образом, частица **gar** сигнализирует в высказываниях о резко отрицательной оценке событий.

Итак, частицам **ja** и **gar** присущ прагматический аспект функционирования, т. е. принимается во внимание человеческий фактор. В высказываниях с этими частицами в значении «даже» отмечается субъективная оценка говорящим окружающей действительности. При этом оценки, фиксируемые **ja** и **gar**, носят противоположный характер. Частица **ja** употребляется в предложениях с общеположительным смыслом и даёт самую высокую оценку событиям. Частица **gar** функционирует в контекстах с общеотрицательным смыслом и оценивает ситуацию как резко негативную.

Учёт прагматических тонкостей функционирования немецких лексем **ja** и **gar** позволит корректно употреблять их в конкретных ситуациях.

Литература

1. *Сергеева В. И.* Сентенциальные единицы языка в их отношении к мышлению. – Калинин, 1990. 64 с.
2. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М., 1981. 206 с.
3. *Торопова Н. А.* Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). – Саратов, 1980. 121 с.
4. *Шутова (Хорецкая) Н. Ю.* Немецкие частицы со значением «даже» в аспекте логики и прагматики: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2001. 199 с.
5. *Grass G.* Zunge zeigen. – Frankfurt/Main, 1991. 236 s.
6. *Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln. – Leipzig, 1994. 141 s.
7. *Nekula M.* System der Partikeln im Deutschen und Tschechischen. – Tübingen, 1996. 220 s.
8. *Schnitzler A.* Das weite Land. Professor Bernhardt. Zwei Stücke. – Frankfurt/Main, 1972. 116 s.
9. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. – Tübingen, 1989. 223 s.
10. *Weydt H.* Partikeln und Interaktion. – Tübingen, 1983. 194 s.
11. *Wolf F.* Menetekel. – Berlin, 1993. 255 s.

Цветкова Елена Вячеславовна
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия
elv15@list.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ВАЛ* В КОСТРОМСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

В статье даётся характеристика географического термина *вал* и образованных на его основе микротопонимов костромского края, которые не только подтверждают, но и раскрывают и дополняют сведения о распространении, семантике и функционировании данного термина в говорах.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, микротопонимы костромского края, костромские говоры, местная географическая терминология, географический термин *вал*.

Географические термины, характеризующиеся своей активностью в образовании топонимов, занимают особое место в лексических системах говоров. Н. И. Толстой в своей книге «Славянская географическая терминология» отмечает, что «диалекты дают основной материал для исследования семантических процессов, происходящих в сфере географической терминологии», обращая внимание на то, что одним из ограничений его работы является отсутствие топонимического материала, привлечение которого, по его мнению, «так же как и обращение к исторической лексике, было бы весьма полезно» [Толстой 2012: 14, 15]. Сопоставление географической терминологии с образованной на её основе микротопонимией в структурном и семантическом планах позволяет ответить на многие вопросы диалектологических и топонимических исследований, на что мы уже неоднократно обращали внимание, характеризуя отдельные народные термины, бытующие в костромских говорах (см., например, [Цветкова 2011, 2012] и др.). В данной статье мы представляем некоторые наблюдения в отношении семантики, функционирования, ареальных связей географического термина *вал*, отличающегося продуктивностью в образовании микротопонимов.

Слово *вал* с древних времён известно в значении ‘защитное сооружение’ (одно из значений в литературном языке – ‘длинная земляная насыпь, гряда земли (оборонительного или хозяйственного

назначения) [БТСРЯ: 109]), восходит к праславянскому **valь*, которое считается ранним заимствованием из латинского языка через средненемецкий [Черных, 1: 132], однако оно могло возникнуть и самостоятельно от глагола *валить*. Так, в говорах валом, валами называют не только искусственный, но и естественно созданный объект, который образован, например, поваленным или срубленным лесом (см., например, [Полякова 2007: 54; СРНГ, 4: 19–20]). В «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева даётся следующая характеристика данного названия, содержащая сведения и о самом термине, и об образованных на его основе топонимах: ВАЛ 1 – продолговатая линейная прямая или с изгибами земляная насыпь. В Сибири – большой увал. В геоморфологии – линейно протянувшееся тектоническое вздутие, пологая антиклинальная складка, характерная для платформенных структур; береговой вал, созданный прибойной аккумуляцией рыхлого материала, гальки, песка. Соответствия в слав. яз., а также нем. Wall; латин. vallum – "вал", "насыпь", "укрепление", "защита". Ср. *отвал*, *подвал*, *увал*. *Атбал* (из *отвал*) – "невысокие холмы, оставленные золотоискателями после промывки золота в Башкирии" [Мустафин, ВТО, № 4, 1970]. ◊ Сушевский Вал и другие Валы в названиях улиц Москвы; Татарский Вал в Волгограде; Валы в Куйбышевской и Черновицкой обл.; Завальное в Липецкой обл.; Вал в Сахалинской обл.; Вальной Кордон в Алтайском крае; Петров Вал в Волгоградской обл. на междуречье Волга – Дон. См. *валок*, *завал*, *увал*. ВАЛ 2 – большая широкая волна на море с пенистым гребнем. Девятый вал. Большая, быстро прибывающая вода в реке. Казалось бы, связано с *вал 1*. Но этимологи строят другой ряд: *обвал* и *провал*, *волна*, *свалка*, *валун*. Помимо слав. соответствий – алб. *yalë* – "волна". Фасмер [1964, 2] в этот же ряд включает и *валить*, *валить*. Ср. *валёж* – "снегопад". См. *валун*, *завал*, *провал*. ВАЛОК – вырубленное и расчищенное под земледелие место в лесу, сожженный лес (Среднее Поволжье, Владимирская и Вологодская обл.) [СРНГ, 1969, 4]; небольшой холм; *валки* – "холмистая местность". ◊ Валки в Горьковской обл., Валки близ Харькова, расположенные в холмистой местности, Валок в Полтавской обл. См. *вал 1* [Мурзаев 1984: 94–95]. Детальную характеристику вала – земляной насыпи даёт в своём словаре В. И. Даль: «Земляная насыпь грядой или гребнем, для укрепления и защиты места от неприятеля, раскаты, или от воды, или заместо ограды, насыпь; обычно вдоль вала, снаружи, бывает ров, из которого и взята земля для него. В ва-

лу отличают: подошву, гребень и внутреннюю и наружную крутости, обочины, иногда одеты дерном или камнем» [Даль, 1: 162].

В костромских говорах данная лексема известна в значениях ‘неровность на поверхности земли, изгиб’, ‘небольшая длинная возвышенность’, ‘длинная возвышенность’, ‘подъём местности’, ‘возвышенность, возвышение’ (*Кругом ведь всё валы у нас. Кругом ведь вал, вот ветер и не такой сильный дует.* – с. Парфеньево Парфеньевск. р-н), ‘земляная насыпь’ (*Вал насыпают.* – д. Знаменка Мантуровск. р-н), ‘насыпь из песка’ (*Ну и вал насыпали возле дома, не проехать и , не пройти.* – д. Знаменка Мантуровск. р-н), ‘место, где валяли лес’, ‘куча хвороста, сучьев, оставшихся после рубки леса’ (*После заготовки леса весь хворост укладывали в валы.* – Межевск. р-н), ‘заваленная землёй, заросшая куча хвороста, сучьев, оставшихся после рубки леса’, ‘подготовленная для сжигания куча хвороста, сучьев, оставшихся после рубки леса’ и т. п., а также ‘ряд только что скошенной травы’, ‘сгребённое рядами сухое сено’ (*Давайте сено сгребать в валы.* – с. Красногорье Макарьевск. р-н), ‘головная боль’ (*Такой вал в голове!* – с. Парфеньево Парфеньевск. р-н), ‘большое дождевое облако’ (*Вал скоро разразится.* – Шарьинск. р-н), ‘лентяй, лежебока’, ‘опухоль, шишка, волдырь’, ‘ушибленное место’ и др. (по материалам картотеки Костромского областного словаря (ККОС) и нашим личным записям). Данный термин, в том числе и в перечисленных значениях, широко известен многим говорам, как севернорусским, так и южнорусским и переходным среднерусским (см., например, [СРНГ, 4: 19–20; СВГ, 1: 54; ОСВГ, 1: 128–129; Акчим, 1: 109; Полякова 2007: 53–54] и др.).

Все значения термина *вал* и его производных, связанные с ландшафтной характеристикой местности, нашли отражение в микротопонимах костромского края.

Микротопонимия подтверждает сведения как об искусственно созданных сооружениях, так и о естественно возникших возвышенных местах, а также о так называемых искусственно-естественных объектах (сооружённые человеком объекты зарастают, изменяются, приобретая вид созданных природой мест – чаще богатых ягодами и грибами лесных участков): *Сухой вал (Место в лесу за деревней Цепино. По лесу проходит длинная полоса – вал. Этот вал песчаный и очень сухой, хотя кругом расположены болота. На Сухом валу растут редкие сосны, и весь он изрыт глубокими лисьими норами. Сухой вал привлекает сегодня тем, что можно найти грибов.* – д. Еле-

гино Антроповск. р-н); Валы́ (*Возвышенное место за мастерской.* – с. Шушкодом Буйск. р-н); Валы́ / Древние валы́ / Городские валы (*Это сохранившиеся старые городские укрепления в Галиче. С Валов бы прокатиться, эх! Дети-то зимой любят с Валов кататься. Древние валы – чудные места для прогулок.* – г. Галич Галичск. р-н); Макарьевский вал (*В честь светого Макария назвали.* – г. Макарьев); Валы́ (*Группа лесников из Москвы в конце восьмидесятых годов вырубил деревья. Лет пять назад на Валах столько малины было!* – с. Юрово Макарьевск. р-н); ягодное место Андреевские валы́ (*Андреевские валы находятся у деревни Андреево. Это место, куда ходят за малиной.* – с. Боговарово Октябрьск. р-н); Валы (*Грибное место в Медведицком лесу. Хорошее место грибное в лесу нашем Вали.* – с. Павино), место в лесу Трэфилов вал (*Оно всегда грибное, даже в плохое лето.* – с. Медведица Павинск. р-н); Новый вал, Старый вал, Первый вал (*Новая дамба – часть дамбы, что у Медведокто, от Старого вала, сейчас затопленного водой, до Нового. Мальчишки на Старой дамбе рыбу ловят. Это часть реки до Первого вала, который сейчас затоплен водой.* – д. Медведки Сусанинск. р-н); Городищенский вал (*Городищенский вал – вал в Городище.* – д. Чертово Чухломск. р-н), а также улица Вáловáя (*Названа так из-за плохой дороги.* – г. Макарьев Макарьевск. р-н) и, возможно, лес Валькóво (*Рядом с деревней Курилово.*) Антроповск р-н). Как видим, микропонимы подтверждают и такое значение термина *вал*, как ‘возвышенная длинная, вытянутая полоса’, и использование его для характеристики дороги (плохая, неровная, валами дорога).

Наблюдается и переход наименования, содержащего слово *вал*, на смежные объекты, например: Солдатский вал (*Солдатский вал – на Чухломском озере. / – Вы где так загорели? – На Солдатском валу.* – д. Ножкино Чухломск. р-н), на объекты, расположенные на валах (обычно грибные и ягодные места). Определения, сопровождающие термин *вал* в составных топонимах, дают характеристику объектов по времени их возникновения, местоположению, связи с другими географическими объектами, чаще поселениями, с имеющими к ним какое-либо отношение людьми и т. д.

Топонимы, образованные на основе лексем *вал*, имеют место, по сведениям картотеки Костромского топонимического словаря, в основном в говорах западной, юго-западной, северо-восточной территорий костромского края.

Микротопонимы, образованные на основе производных от слова *вал*, например, *увáл*, *извáл*, встречаются реже.

Географический термин *увал*, известный в литературном языке в значении ‘вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами’ [БТСРЯ: 1364], в словаре В. И. Даля характеризуется как «крутой склонпонижение почвы, скат, гораздо круче изволога, но не обрывистый, а косогором или окатистый; округлый уступ» [Даль, 4: 460]. В костромских говорах, по сведениям ККОС, он имеет значения ‘отлогий склон холма, пригорка, горы’, ‘возвышенное место, возвышенность’, ‘возвышенность в лесу’, ‘сухое, возвышенное место’, например: *Местность у нас больше ровная, но есть и увалы.* – д. Петровка Межевск. р-н; *Увалы-то – возвышения в лесу. Сели ребята на увалы.* – с. Петрилово Костромск. р-н и т. д. Сравним в микротопонимии: отлогие склоны Увалы (*В Увалах-то мы, бывало, грибы собирали, много их было.* – д. Знаменка Мантуровск. р-н); возвышения в лесу, грибное место Увалы (*Ходили на Увалы за грибами.* – с. Тихон Вохомск. р-н), место в лесу Дальние увалы (*Место в лесу увалами.* – Межевск. р-н) и т. д. Микротопонимы свидетельствуют также о наличии у термина *вал* значений ‘лес’, ‘возвышенность’, ‘поле в виде валов’: лес Увал (*Увал – небольшой лес в трёх с половиной километрах от Чмутова. Охотники собирались на Увал за зайцами.* – д. Чмутово Галичск. р-н); возвышенности Масловский увал, Шулёвский увал (*Остожья-то раньше – да! Больиушишья на увалах-то бывали. А уж на Масловском-то – тьма.* – д. Ледина Мантуровск. р-н); Увал / Маленький Увал (*Это поле находится между деревней Мундырь и деревней Соколовское. Она напоминает валы, которые поочерёдно сменяют друг друга. Это самое маленькое поле – всего сорок восемь гектаров пахотной земли. Мундырьцы на Увале уж боронят.* – д. Мундырь Поназыревск. р-н) и т. д. Широко известно и зафиксировано во многих официальных источниках (поэтому и не относится к разряду микротопонимов) географическое наименование Северные увалы (*Местность, на которой расположен весь Вохомский район. Раньше, когда двигались ледники, на территории Вохомского района образовалась гористая местность увалами, и поэтому все селения Вохомского района находятся на возвышенностях. Весь Вохомский район – это Северные увалы.* – п. М.-Раменьё Вохомск. р-н). Микротопонимия подтверждает распространение названия *увал* как в отдалённых, северных и северо-восточных (в основном), районах области, так и вблизи областного центра.

Термин *увал* встречается и в наименованиях заросших травой или кустарником, а, следовательно, за счёт этого возвышающихся, объектов отрицательных форм рельефа: Перевозничьи увалы (*Это заросшие овраги в районе бывшего перевоза через реку Ветлугу, к северу от Шарья*. – г. Шарья Шарьинск. р-н). Однако в данном случае характеристика ‘заросший, следовательно, возвышающийся’ может и не являться основной причиной появления названия. Так, в ряде говоров, например, нижегородских, географический термин *вал* используется для наименования оврагов [Климкова, 1: 182].

Местный географический термин *извал*, известный в архангельских (‘небольшая возвышенность, холм на дороге’, ‘глубокая яма, яма в реке’, ‘пологий спуск или подъём, плавный переход от мелкого места к глубокому или наоборот’), вологодских (‘мель в реке’, ‘единица земельной площади, равная 500 кв.м.’), олонецких (‘покатая, пологая поверхность, покатошь’), красноярских (‘некрутой длинный подъём; изволок’) и других говорах (см., например, в [СРНГ, 4: 19 – 20; СГРС, 4: 308]), жителями костромского края используется для наименования горок, урочищ, лесных участков, отлогих склонов: урочище Извал (*Находится за посёлком Любимовка*. – п. Дорогиня), Извал / Извальская гора (*Это три горы, они возвышаются друг за другом. Сначала поднимаешься на первую, издалека видно другую и третью. На Извал мв ходили за черникой*. – п. Любимовка), отлогий склон Извал (*По Извалу косил быстро*. – д. Марковица Макарьевск. р-н); участок леса Извалы (*Большой участок леса, полей, болота. Начинаются возле Папинской мельницы и кончаются возле Второго бора*. – д. Коммунар Нейск. р-н); отлогий склон горы Извал (*На Извал ходил чебрец для чая собирать*. – с. Колега Буйск. р-н) и т. д.

Отражая особенности живой народной речи, народного видения окружающего мира, микропонимы не только подтверждают, но и в определённой степени раскрывают и дополняют сведения о ставшей для них основой географической терминологии.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999.
2. Климкова Л. А. Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. – Арзамас: АГПИ, 2006.
3. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. 654 с.

4. Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. 420 с.
5. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 360 с. (Из лингвистического наследия Н. И. Толстого).
6. Цветкова Е. В. Диалектная лексика в костромской топонимии (ляд, ляда, лядина и т. д.) Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 1. С. 205–210.
7. Цветкова Е. В. Географический термин *бочаг* в костромской топонимии / Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 76–79.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 2002.

Источники

1. Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь); под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–6. – Пермь, 1984–2011.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии; под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–7. – Киров: Кировская областная типография, 1996–2012.
4. СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. – Вологда, 1983 – 2005. Вып. 1–10.
5. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева; авт.-сост. Е. Л. Березович [и др.]. Т. 1–5. – Екатеринбург, 2001–2011.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. – М., Л., СПб., 1965–2013.